

МІЯ ФЛОР

КАМЕННАЯ
КРОВЬ 3

18+

Мия Флор

Каменная кровь 3

<https://litres.ru/74350448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они пережили плен, кровь и боль, но впереди их ждёт куда более опасные испытания — предательство самых близких, борьба за власть, разрушения и боль утраты. Анна и Николай вынуждены искать путь друг к другу заново. Смогут ли они пройти через все вместе и остаться верными своему сердцу?

Финал трилогии.

Содержание

1	4
2	8
3	12
5	20
6	24
8	32
9	37
11	47
12	52
15	64
20	90
22	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Мия Флор

Каменная кровь 3

1

Анна

— Александр...

Мужчина передо мной чуть опускает подбородок и внимательно наблюдает за моими движениями.

Но их нет. Я стою, замерев как статуя. Не дышу: диафрагма сжимает лёгкие, выбивая из них воздух.

Это не может быть правдой...

Чувствую, что лечу в пропасть и даже не могу вскрикнуть.

— Я думал, ты догадаешься раньше, — с ледяным спокойствием говорит Александр; теперь я улавливаю разницу в голосе. У Николая голос резче, натренированный годами командования. У его брата — тембр мягче.

— Спокойно. Я не собираюсь причинять тебе вред. - заверяет он меня, а я даже не думала о таком раскладе.

Я вообще не понимаю, о чём думать.

Мозг растекается бесполезной жижей.

Александр. Жив.

Человек, который меня спас и которого я считала погибшим, сейчас стоит передо мной.

Это он. У меня нет сомнений. Я видела его в своих снах и научилась отличать от Николая, однако я никак не ожидала, что он жив!

Теперь картинка начинает прорисовываться четче в голове.

Значит... Амай спас не только мою семью.

Я должна быть рада, но...

— Где Николай? — я не узнаю свой голос: он похож на рык раненной волчицы.

— Я всё тебе объясню. По порядку, — Александр примирительно поднимает руку. — Поверь, я не желаю своему брату зла. Он в безопасности.

Кровь разгоняется в теле так, что мои вены едва её сдерживают.

— Где он?

Александр молчит.

— Ты в сговоре с моей семьёй? С Амаем?

Слова вылетают без обдумывания, но ответа нет.

— Ты... ты предал своего... брата?! — в мои глаза набегают слёзы, но я их сдерживаю.

Вот оно — настоящее разочарование.

Николай будет в бешенстве. Он... я даже не знаю, что он сделает.

Я разворачиваюсь назад вместе с лошадыю. Я никуда не поеду, пока не увижу Николая.

— Анна, — хрипит Александр, преграждая мне дорогу.

А я не знаю, откуда у меня взялось столько ненависти, чтобы так грубо толкнуть того, кто спас мне жизнь...

— Как ты мог?! — мой голос срывается.

Александр принимает мой толчок, но не сдвигается с места. Он и его брат кажутся нерушимыми скалами.

— Он... он думал, что ты мертв. Все так думали! — моя грудь рвётся между радостью, что Александр жив, и злостью на то, что он так поступил с братом. — Ты даже не представляешь, каково ему было!

— Я знаю, — отвечает он. — Мне жаль, что так вышло.

— Зачем? Зачем тогда ты так с ним? — я не могу понять, что могло побудить родного брата сделать такое.

Хотя, я уже не удивляюсь, учитывая, что все это явно произошло не без ведома моих родных.

Я чувствовала подвох. Он был.

— Анна, я делаю это не для себя. Поверь, мне тоже больно. Но иначе... иначе мы не сможем его убедить.

— Убедить в чём? — я всхлипываю, смотря на Александра с надеждой, что его мотивы хоть как-то оправдают поступки. Я не хочу его ненавидеть. Он спас меня!

Александр качает головой.

— В том, что как только Королева достигнет рубиновых пещер, она не просто получит силу, подобную богам. Она станет демоном, Анна. Понимаешь? Весь мир будет под угрозой. Этого нельзя допустить. Тогда никто и ничто не сможет ей противостоять — даже ты, какой бы силой ни об-

ладала.

Значит, Александр знает уже и обо мне...

— Но почему ты просто с ним не поговоришь? Почему не объяснишь? Он будет рад, что ты жив. Я... я уверена, что он согласится, что он поймёт, что бы ты ни хотел ему сказать.

— я отчаянно хватаюсь за последнюю ниточку.

Александр качает головой.

— Он никогда не пойдёт против Королевы, — уверенно заявляет он.

— С чего ты решил? — пытаюсь уцепиться за недавние, пусть и глупые слова Николая о Королеве. Значит ли это, что он не так предан, как кажется?

Александр смотрит на меня с тяжёлой усталостью.

— Значит, ты не знаешь... — эта фраза разбивает сердце на осколки. Неужели, Николай что-то скрывал от меня? Что-то настолько важное? Он сделал это тогда, когда я доверилась ему полностью и безвозвратно — когда мы договорились говорить друг другу правду, какой бы она ни была.

— У Королевы наш брат. Он болен. Очень болен, — произносит Александр, и я хватаюсь за ствол ближайшего дерева: поводья в моих руках больше не служат опорой, и я рискую рухнуть в влажный мох.

Лошадь фыркает. Александр вовремя подставляет руку, чтобы я не упала.

— Брат... — повторяю я, словно в трансе.

— Да, — сдержанно отвечает он. — Нас трое.

Анна

Николай скрыл от меня то, что у него есть ещё один брат... Что тот болен, и что его удерживает Королева... Что же ещё он от меня скрыл?

— Он тебе это не сказал, — констатирует Александр.

Грудь наполняется тягучим и вязким разочарованием. Николай посчитал меня недостойной? Конечно, для меня это ничего не изменило, и я не задавала ему конкретного вопроса, но все же...

Я стискиваю зубы крепче, потому что наружу рвётся крик.

— Ты же достаточно знаешь его, чтобы понять — он не отступится, пока не вернёт его?

Да. Николай не остановится, чтобы заполучить своё. Он пойдёт напролом. Теперь я вспоминаю наш разговор в его кабинете: когда он спросил, зачем мне птица, а когда узнал, что речь идёт о моей сестре — он больше не стал задавать вопросов. Он понял, потому что сам в такой же ситуации.

Я думала, он верен Королеве... Но дело оказалось совсем не в этом...

Я не отстаю от Александра.

— А ты готов рискнуть братом ради других? — цежу я.

Братья, такие похожие, но такие разные!

— Он в коме, Анна. Долгие годы. И в плену у Королевы.

Его надо было отпустить ещё тогда, — Александр морщится от боли, но я хочу знать.

— Когда? Что случилось?

Александр тяжело и горько вздыхает. Поняв, что я вся во внимании, он находит взглядом поросшее мхом бревно и присаживается на него.

— Сыворотка, — глухо кидает он. — Григорий был слабее нас с Николаем. Он не выдержал сыворотки. Он был обречён. Но Королева захотела зрелищ. Тогда она устроила ночные соревнования в своём лабиринте. Желаящие каштоуны могли побороться за звание майора, а также она обещала выполнить одну из просьб выигравшего.

Тело наливается свинцом.

Это... та самая ночь из моих... из его кошмаров...

— Николай решил пойти на это, чтобы выиграть и попросить Королеву спасти Григория. Однако он поздно понял, что из лабиринта может выйти только один. Это был бой на смерть. И Николай убил их всех, — Александр бросает на меня мрачный взгляд. — С тех пор он стал другим.

Я вспоминаю эти кошмары... Лабиринт... Николай, убивающий каштоунов... Всё это было на самом деле.

А потом перед глазами всплывает он — на арене земного легиона. Он был готов убивать, безжалостно, как дикий зверь.

Если речь идёт о жизни близких — он сделает всё. И я... понимаю его.

— Королева выполнила своё обещание, но с условием. Она сохранила жизнь Григорию, погрузив его в кому. И пообещала вылечить, как только получит силы из рубиновых пещер.

Поэтому Николай рвётся за ними. За ними и за головой полоза. Потому что знает — это спасёт мою сестру.

У меня нет слов. Он держал всё это в себе?

— Однако речь идёт не о силе. Королева собирается стать божеством. Её готовили к этому с детства. Её история мрачна, окутана легендами. И если бы Амай не нашёл этот замок вместе с архивом эфирного клана, мы вряд ли бы об этом узнали... Племя Карси, в котором выросла Королева, знало, точнее, верило, что божеством можно стать. А потом... Эфирный клан, когда сопоставил всё, понял: из неё хотели сделать ненасытного демона, управляемого при определенных условиях. Сейчас Королева жаждет закончить то, что было начато пятьсот лет назад. Она хочет стать демоном, но неуправляемым. Ты уже слышала историю о том, на что она уже способна?

Я киваю.

— Это просто цветочки. Тогда она уничтожала целые деревни. Если Королева станет демоном — она уничтожит мир. Николай же не остановится ни перед чем. Возможно, он думает, что как только она вернёт Григория к жизни, он сможет избавиться от Королевы, но это бред. Её невозможно победить.

Я сажусь на бревно, обросшее мхом, рядом с Александром.

До меня начинает доходить... Но я всё равно уверена, что если мы вместе поговорим с Николаем — мы найдём решение. Стоит хотя бы попробовать.

— Зачем тогда мы идём за полозом? Это был просто отвлекающий манёвр?

Анна

— По поводу полоза. Нет, это не отвлекающий манёвр. Мы едем на переговоры. Ты и я. Нам нужно договориться о союзе со змеями. Я знаю, что у них есть свои мотивы объединиться против Королевы. Нас там ждут. Они хотят видеть тебя, чтобы понимать: ты сможешь противостоять Рубиновой.

— Чего? — я хмурюсь.

Я вообще-то собиралась за головой полоза, а не за союзниками... И уж точно не претендую стать соперницей Королевы!

— Амай рассказывал, что у тебя уже была встреча с одним из них.

— Да, и я чудом выжила благодаря твоему брату! — мой голос звучит резко, отдаваясь эхом в чаще. — Ты же знаешь, для чего мне нужна голова того полоза?

— Да, я знаю про Нину... — он говорит это с отчаянием. Молчание висит трупом на виселице.

— Она у Королевы. Мне нужно её спасти, — я покрываюсь липким потом, потому что боюсь допустить мысль, что не смогу этого сделать. — У меня осталось менее двух месяцев, чтобы принести Королеве голову того полоза и вызволить Нину.

Александр задумчиво выстукивает пальцем по поверхно-

сти бревна.

— Мы постараемся сделать это другим способом, — выдаёт он.

Тело деревенеет.

Неужели... мои родные не собираются спасти сестру? Точнее, собираются, но у них другие планы. Они вообще знают, каково это — противостоять Рубиновой?

Я ловлю себя на том, что начинаю больше доверять Королеве, которая, как ни странно, свои обещания сдерживает, чем своим родным, которые ведут странную игру, скрывая от меня правду.

Рубиновая меня околдовала? Или просто «другой способ» спасения сестры из плена не звучит обнадеживающе... Какая гарантия, что нам удастся избавиться от Королевы? Никакой. Но если удастся принести ей голову полоза — я уверена, что она своё обещание выполнит. Однако к тому времени она уже может стать непобедимым демоном...

Но как вообще можно объединиться с тем, кто чуть меня не убил?

— Мы спасём её. Не переживай, — хлопает меня по плечу Александр. — У нас очень чёткий план. Сначала мы получаем поддержку змеев Туманной реки. Потом ты... — он сглатывает, будто подавившись словом. — Ты выходишь замуж за Амая. Он становится во главе водного клана и помогает тебе вернуть всё то, что принадлежало эфирникам. Вместе вы объединяете Мавридию. Со змеями идёте на Ка-

менное королевство, пока не стало поздно. Пока Королева не добралась до рубиновых пещер. Если каждый выполнит свою роль, мы уложимся в срок. Понимаешь?

— Ты говоришь о ролях. Тогда какую роль, по вашим подсчётам, предстоит сыграть Николаю?

— Он — майор Каменного войска. Я знаю, как его ценят воины. Они пойдут за ним, если он прикажет. Если нам удастся его уговорить — мы избежим большего кровопролития. Если же он не согласится...

— Ты собираешься сделать это вместо него... — заканчиваю я вместо Александра.

Он подменит брата, в случае чего...

В голове пульсирует кровь, отбивая уверенностью, что план изначально обречён на провал. Николай не откажется от брата. Он не откажется от меня. А я не откажусь от него. И потом — как я понимаю, из меня хотят сделать фигуру, способную противостоять Королеве... Но кто я, а кто она? Я просто соплячка по сравнению с могучей пятисотлетней ведьмой. На мне ещё и браслеты!

— А что, если кланы меня не примут? Вы об этом думали?

— Заставим.

— Как? — почти ахаю я.

— У Амая всё готово. Он давно это планировал и не один. Не суди по его милому личику — он всегда всё просчитывает наперёд.

— Это я уже заметила, — фыркаю я, складывая руки на

груди.

Я встаю и делаю несколько шагов взад-вперёд. Александр терпеливо ждёт, пока я успокоюсь и приведу сумасшедшие мысли в порядок. Останавливаюсь.

— Александр. Теперь положи руку на сердце и признайся — ты на самом деле считаешь, что этот план осуществим? Что Николай согласится? Что я пойду на это?

— У нас нет другого выбора. Всё решено. Нет другого плана. Либо это, либо конец света. Сейчас есть возможность всё изменить.

Он встаёт передо мной и заглядывает в глаза. Серьёзный и сосредоточенный. Как Николай, только с добрыми глазами, мечтающими спасти весь мир. Эта доброта и спасла мою жизнь... А вот его брату плевать на мир. В этом-то и проблема.

Фыркает лошадь Александра. За ней — моя.

— Это, конечно, интересно, — раздаётся знакомый голос, леденящий душу. — Но у меня на вас другие планы.

Темная фигура выходит из-за дерева. По лукавому оскалу я узнаю Герра. Александр теснит меня к стволу, прикрывая собой.

— Особенно на тебя, — он смотрит мне в глаза, и в них на мгновение зрачок становится вертикальным, змеиным, угрожающим...

— Кто ты такой? — Александр встаёт в боевую стойку, готовый ринуться на незнакомца или применить каменную

силу гематитника...

Как я понимаю, эта встреча в лесу не входила в его планы. Стоит Герру обратиться змеем — и нам ничего не поможет.

Я гашу страх. Кладу ладонь на плечо Александра.

— Это полоз. Тот самый, — объясняю я ему.

— Да. Тот самый, чью голову ты собираешься отрезать, — хмыкает проклятый змей, все так же не сводя с меня глаз.

4

Анна

На лице Герра появляется опасный оскал, подчёркивающий шрам, оставленный мной. Глаза сверкают янтарём. На его оголенном торсе сверкает множество речных бусин. Кажется, он одет в одни штаны, но я не могу разглядеть четче, словно мешает иллюзия. Это... Хвост?

Герр улыбается так лукаво, будто тоже прокручивает в голове тот самый момент, когда я вонзила в него гематитовый стержень, и теперь готовится мстить. Кровь стынет в жилах.

Я не одна.

Со мной Александр, и как бы зла я на него ни была, я не хочу, чтобы с ним что-то случилось.

— Чего тебе от меня надо? — мне достаточно одного взгляда Герра, чтобы понять: он здесь далеко не для запланированных переговоров. У него свои цели.

— Поумнела, глупая Анна, — хмыкает змей. — Мне нужна твоя кровь. Много крови. — Он передвигается, словно паря над землёй.

Догадываюсь, что Герр сейчас наполовину змей, наполовину человек.

Умно: так Александр не сможет применить свои каменные силы гематитника на полозе.

— Нет, — чётко приказываю близнецу Николая, как только замечаю, что тот поднимает руку, готовясь к нападению. — Не сработает. — Я хватаю его запястье и опускаю руку.

С многовековым змеем придётся либо договариваться, либо... мы обречены. А учитывая, что он явно уже в курсе моей потребности принести Королеве его голову, придётся как-то стараться усыпить его бдительность.

— Зачем тебе опять моя кровь? — настороженно интересуюсь. — Мне казалось, ты выпил достаточно. — Мы переглядываемся с Александром.

Как и его брату, ему этого достаточно, чтобы понять меня. Это не первая моя встреча со змеем, так что у меня больше шансов удержать с ним разговор. Я все еще помню как это было в Каверне Смерти. Конечно, мне до безумия страшно. То, что змей подслушал наш разговор с Александром может быть как плюсом, так и минусом...

— Я тоже так думал, пока не узнал, что Тяна все еще жива, — Герр в миллисекунду оказывается рядом со мной. — Ну как «жива»... заморожена в заледеневших горах Белогорья твоей родственницей. Чтобы ее освободить, разрушить проклятье, сама знаешь, что мне нужно. — Он проводит костяшкой пальца по моей щеке, пока его длинный змеиный

хвост заключает Александра в тиски. Я была права.

Герр сейчас наполовину в человеческой форме, наполовину в змеиной, и он невероятно силен.

— И если бы не ублюдошный придурок, который полез в мое логово... я бы не узнал, что ты меня ищешь. Это как подарок судьбы. Как я мог отказаться от нашей встречи, Анна Калазиас?

— Кострис, — срывается с губ, и я ощущаю тяжесть браслетов. — Где он?

Герр загадочно улыбается.

— Можешь о нем не волноваться, за ним есть кому присмотреть.

Мне хочется задать вопрос о печати, которая может вскрыть браслеты и которую забрал с собой Кострис, но до меня доносится натужный вздох Александра.

— Я рада, что твоя... невеста жива. — Моё дыхание дрожит, ладони потеют; взглядом убеждаюсь, что Александр в относительном порядке. Он сохраняет спокойствие, а его взгляд говорит о том, что он доверяет мне в разрешении вопроса со змеем, хоть ему явно приходится сложно бороться с кольцами змеиной туши.

— Не мог бы ты его отпустить? Я дам тебе то, что хочешь. У нас же... общий враг, — резко сглатываю, чуть не подавившись волнением.

Если он слышал о том, что мы собираемся заключить союз со змеиным царством и пойти на Королеву, которая держала

его в плену так долго, возможно, у меня есть шанс.

— Мне плевать, на врагов и на моих сородичей. Я против решения змеиноного короля, каким бы оно ни было, и не собираюсь больше ждать. Моя невеста проспала во льду три столетия. Вот как разбудишь её своей кровью — тогда и поговорим, — хрипит змей, с безумной болью на лице.

Если он говорит так, значит ему не нужна будет вся моя кровь. Возможно, у меня будет шанс выжить.

Змей стискивает Александра сильнее, будто намекая поторопиться. Мое сердце заходится в панике.

— Хорошо. Я сделаю всё, что ты хочешь. Я помогу тебе освободить Тяну, но ты освободишь его, — я показываю в сторону задыхающегося Александра. — И потом поможешь нам добраться до Туманной реки.

— Договорились, — шепчет змей, словно поёт. — А теперь — спи. — Приказывает он мне, и я погружаюсь в сон.

Анна

Я просыпаюсь от жуткого холода. Тело дрожит.

— Спокойно, — слышу я шёпот Александра.

Мы с ним связаны и сейчас лежим, завалившись на один бок на заледеневшей скале. Он тоже подрагивает.

— Холодно, — стону я.

— Ага. Сейчас попробую немного тебя согреть.

Похоже, он собирается использовать свои силы.

— Не надо, — останавливаю я его. — Мне терпимо. Ты лучше побереги силы для чего-то ещё, — говорю, стуча зубами.

Постепенно сосредотачиваюсь. Темно. Мы в заснеженных горах. Луна здесь светит, как фонарь.

Мы с Александром пытаемся подняться с камня, покрытого льдом, и присесть. Лёжа мы будто впитываем холод.

— Где он? — спрашиваю я, осматриваясь по сторонам и не заметив Герра.

— Он... пошёл на охоту. А вот нас, похоже, оставил в качестве приманки, — Александр кивает в сторону темнеющих деревьев, из-за которых раздаётся рычание. Я поворачиваю голову в противоположную сторону — туда могла бы пролегать дорога к отступлению, но она заканчивается резким и беспощадным обрывом.

— Проклятье. Ты на животных можешь использовать свою силу? — спрашиваю я, вспоминая, что Николай вроде как мог это делать только с людьми, магами или каштоунами.

— На животных — нет. Как и на грёбаном змее, — злится Александр.

Я замечаю, как к нам по снегу приближаются две крадущихся тени. Вскоре их становится три.

— Давай попробуем встать, — предлагает Александр, но учитывая, что наши ноги связаны гусеницей, наши попытки похожи на неудачное спаривание насекомых.

Теней становится пять. На нас надвигается стая волков. Больших. Лютых. Голодных.

— Анна, что бы ни случилось, хочу попросить у тебя прощения. Я не мог подумать, что один из змеев взбесится, — шепчет Александр. — Они обещали нам безопасность.

— Прощения будешь просить у Николая! — язвлю я. — Герр! — вскрикиваю, поняв, что сопротивляться бесполезно, и в конце концов змей не может допустить моей кончины. Он должен быть где-то рядом.

Эхо разносит мой голос по горам.

— Выходи! Тебе же нужна моя кровь!

Я зла. Он использует нас как наживку! Это мерзко. Одно хорошо: от страха и злости я почти не чувствую холода.

Проклятый змей появляется с гулким завыванием ветра, когда волчья стая подбирается к нам на расстояние смертельного броска.

Я считаю до пятнадцати, закрыв глаза, но не уши, слушая волчий визг и противный хруст костей. Потом наступает тишина.

Я открываю глаза и вижу перед собой змеиную морду со светящимися янтарными глазами. Мы с Александром пытаемся отползти от полоза подальше — кто знает, вдруг он передумал и я ему больше не нужна? К моему облегчению, он возвращается в свою получеловеческую форму.

— Ну и кто теперь из нас пресмыкающийся? — с издёвкой припоминает мои же слова Герр.

— Ты связал нас! — я зло сдуваю с лица прядь непослушных волос.

Странно, но я не чувствую опасности со стороны Герра. Теперь все перебивает клокочущая злость.

— Да, — отвечает он, вытаскивая всё ещё змеиный язык и облизываясь. Я кривлюсь от отвращения.

— Но в следующий раз я могу заставить вас побегать по лесу, а потом перекусить твоим другом, — добавляет он. — Ты права: мне нужна твоя кровь, а не его.

— Мы договорились, что ты его не тронешь! — напоминаю я.

— Ну знаешь, — он бесшумно подползает ко мне. — Когда я зол, мне сложно контролировать инстинкты. А сейчас я безумно зол. Моя невеста всё ещё замурована во льду. И тебе лучше молиться, чтобы она меня дождалась.

— Поняла, — выдавливаю я. — Веди к своей невесте. Я...

очень хочу её видеть.

И рассказать про то, какой он монстр! — последнее я конечно же думаю про себя.

Хвост Герра стискивает нас с Александром. Его голова вновь становится змеиной и огромной.

— Спать... — приказывает он нам, и я вновь погружаюсь в сон.

Анна

— Анна... Анна! — кто-то толкает меня в плечо.

Я открываю глаза и вижу Николая. Так мне кажется спр-сонья. Пока он не улыбается. Добро и широко.

Николай так не делает. Его улыбки обычно тяжёлые, да-ются с трудом и выглядят так, будто он с огромным усилием заставляет себя это сделать.

В голове всплывает момент, когда он улыбнулся Ивану при первой встрече... Получилось, но как-то мрачно.

Настоящий Николай посмотрел бы на меня пронзитель-ным взглядом и зацеловал бы.

Передо мной — Александр.

Он всё ещё связан и, похоже, пытался растолкать меня своим плечом.

В груди все переворачивается. Мне так не хватает Аркаса! Его теплых рук и объятий...

— Я думал, что ты замёрзла.

Мы в какой-то заледеневшей пещере. На удивление я не дрожу от холода и больше не связана. Возможно, Александр всё-таки применил свои силы и разогрел мою кровь.

Осмотревшись по сторонам, я замечаю маленький огонь. Неподалёку — шкуры каких-то животных, сваленные пря-мо на каменный пол. Их много, и они явно предназначены

не для нас с Александром. Взгляд упирается в широкую оголённую спину Герра, который, похоже, совсем не ощущает холода...

— Проснулась, — долетает до меня его голос.

Он продолжает исследовать стену, полностью покрытую льдом, и даже не поворачивается ко мне. Я начинаю подзревать, что его длинный хвост, перекрывающий нам выход из пещеры, тоже умеет «видеть».

— Иди сюда, — приказывает змей.

Я смотрю на Александра.

— Я буду рядом. — кивает он мне. — Если что — я остановлю твою кровь. Даже связанным, я могу это сделать.

Я встаю с трудом разгибая затекшие ноги, осторожно подхожу к ледяной стене, где Герр пытается что-то прощупать.

— Дай мне руку, — говорит он, вытаскивая откуда-то из своей чешуи на бёдрах нечто, похожее на нож.

Вместо того чтобы протянуть ему ладонь, я прячу её за спиной. В груди разливается холод. Я рядом с этим змеем — опять!

— Можно я сама? — спрашиваю и крепко сжимаю зубы, чтобы не выдать дрожь в челюсти.

Проклятый змей: да, я готова сделать это сама! Если это поможет кого-то спасти, почему бы не попытаться? Герр осматривает меня удивлённым взглядом — так смотрят на рыбу, которая просит разделать себя сама. Хмыкает и кидает мне в руки нож. Я успеваю словить его.

Так. Это уже прогресс.

Значит, змею на самом деле плевать на меня. В том смысле, что ему важно вытащить свою возлюбленную из-под толстого слоя льда, остальное — не имеет значение. Я кидаю взгляд на Александра, который следит за каждым моим движением. Киваю ему и рассекаю внутреннюю сторону ладони острым клинком.

— Сюда, — Герр грубо и с диким нетерпением ловит мою руку, чтобы приложить её к округлой ледяной выемке.

Кожа сразу же пачкается кровью, а ледяная стена начинает пульсировать, словно ожившая. Змей прислушивается ко льду, иногда издаёт какие-то непонятные звуки — что-то между шипением и рычанием, но в целом он кажется испуганным.

Я чувствую, как стена начинает таять, поглощая капля за каплей мою кровь, которая паутиной тонких капилляров расплзается по всей поверхности. Вскоре лед очерчивает контур молодой женщины, и я догадываюсь: пульсация стены связана с биением её сердца.

— Анна! — зовёт меня Александр, и я делаю ему знак не вмешиваться и не останавливать кровь. Сейчас мне важно довести начатое до конца — спасти эту женщину. Я чувствую, что могу это сделать.

Проходит пара минут, и лёд полностью исчезает. Я отстраняюсь, наблюдая, как Герр подхватывает на руки девушку. Её лицо быстро меняет цвет — с серого на бледно-розовый.

Она делает первый вдох, и я облегчённо вздыхаю вместе с ней. Жива.

— Тьяна... Тьяна... — тихо шепчет полоз, нежно прижимая возвращающуюся к жизни девушку к себе и обматываясь вместе с ней своим хвостом, словно желая таким образом согреть возлюбленную.

Сцена выглядит трогательно, и я была бы готова проронить пару слезинок, если бы не помнила, каким монстром бывает Герр. Я смотрю на дрожащую от бессилия собственную руку. Кровь остановилась. Встречаюсь взглядом с Александром и понимаю: это его заслуга. Пока Герру до нас нет дела, я направляюсь к брату Николая и разрезаю его верёвки тем самым ножом, который дал мне полоз. Лучше сделать это, пока змею нет до нас дела.

Однако вскоре, мы замираем, услышав душераздирающий крик, полный ужаса.

— Пусти! — срывается голос девушки откуда-то из груди змеиных колец. — Уйди! Исчезни!

Мы непонимающе переглядываемся с Александром. Не так я представляла долгожданную встречу невесты со своим возлюбленным...

7

Анна

— Проваливай! Ну же! Змей окаянный! — продолжают доноситься до ушей ругательства.

— Ээээ... — Александр сдвигает брови и замирает в за-

мешательстве.

Я на всякий случай прячу кинжал за пояс, параллельно пытаюсь понять, стоит ли вмешиваться и как это сделать, ведь противостоять этому монстру практически невозможно.

И не приходится.

Змеиные кольца расползаются в стороны, высвобождая девушку. Её русые волосы с рыжинкой растрепались в борьбе. Она почти падает, но хвост Герра успевает её поддержать. Тяна несколько этому не рада и, вернувшись в равновесие, пинает змеиную чешую что есть сил.

Перевожу взгляд на Герра. Внезапно он выглядит таким обессиленным, осунувшимся и даже испуганным, как брошенный котёнок.

— Тяна... милая... это я... — он пытается спрятать змеиный хвост позади, но тот настолько огромен, что всё это выглядит так, будто мамонт решил спрятаться за соломинкой.

Герр осторожно кладёт ладонь себе на грудь.

— Это я, твой Герр, — он пробует улыбнуться, приводя в движение шрам, и улыбка становится ужасающей.

За этим следует громкий презрительный плевок.

— Исчезни! — не унимается Тяна.

Вот теперь мне становится жалко полоза. Должно быть, его возлюбленная по какой-то причине его не помнит. Плечи Герра заметно понижают.

Девушка пытается отдышаться, окидывает нервным

взглядом пещеру. Замечает нас с Александром.

— Не приближайся ко мне, чудовище! — Тьяна медленно отходит в нашу сторону, а затем и вовсе бросается мне в объятия.

— Льяна! Я знала, что ты меня найдёшь! Что спасёшь! Но нам нужно уходить. Скорее. Эта тварь... этот монстр! Ты даже не представляешь, на что он способен!

Я обнимаю её молча, переводя взгляд с задумчивого Александра на потерянного Герра.

Льяна? Девушка, проснувшаяся спустя триста лет ледяного сна, приняла меня за кого-то, кто наверняка уже умер. Сказать ей об этом сейчас — не самый подходящий момент. Девушка напоминает меня, когда я только проснулась в лазарете Каменного войска и не могла ничего вспомнить. Меня до сих пор иногда накрывает паника, когда я об этом вспоминаю...

— Бежим! — Тьяна тянет меня за руку. — Это ещё кто? — на мгновение сощуривает глаза на Александре. — Ладно, потом объяснишь, сейчас — уходим!

Возможно, самым лучшим вариантом было бы именно это — уйти, пока Герр морально уничтожен. Ведь он два раза чуть не убил меня. И не факт, что не планирует сделать это снова.

Но что-то меня останавливает. Я не знаю, что именно...

— Тьяна, спокойно. Он не причинит нам зла. Это он помог найти тебя, — киваю в сторону Герра. — Он сделал мно-

гое, чтобы тебя спасти.

Змей решает вернуться полностью в человеческую форму, рискуя тем, что Александр теперь наверняка сможет применить на нём свои силы. Этот ползоз готов умереть, лишь бы его Тьяна перестала смотреть на него с таким отвращением.

Взгляд девушки становится пугающим и диким. Она осматривает пещеру и присутствующих, проверяет мою изрезанную ладонь. Вдруг резко сдавливает мой подбородок в пальцах и всматривается в лицо. Затем грубо отталкивает.

— Ты не Льяна! — с болью вскрикивает она; её грудь вздымается под натиском резких вдохов.

Хоть что-то она вспомнила. Но от этого ей не легче. Голова начинает неестественно дрожать, глаза закатываются...

— Тьяна! — Герр подбегает к ней в тот момент, когда она теряет сознание. Александр проверяет её пульс.

— Всё в порядке. Вероятно, побочный эффект заклинания, — говорит он Герру, беспомощно прижимающему к себе бесчувственное тело девушки. — Она скоро придёт в себя. Старайся её не пугать, — добавляет.

Герр смотрит на него ненавистным взглядом, но ничего не говорит. Он сломлен.

— Она узнала в тебе ведьму, но не узнала меня, — с горечью выдает он мне.

— Льяна?

— Да. Так представилась ей Искра — ведьма, которая заточила её в лёд, которая держала меня в плену триста лет,

которая теперь называет себя Каменной Королевой.

Герр издаёт какой-то очень громкий, странный и протяжный звук, словно плач отчаяния. Меня пронизывает дрожь. Его слова как будто намекают, что между мной и королевой есть какая-то глубокая связь...

Анна

Герр бережно укутывает бесчувственную Тяну в шкуры и укладывает рядом с огнем. Затем, морщась, выдвигает клыки, заставляя нас с Александром насторожиться: он же не собирается впиваться своими зубищами в спящую девушку! Но полоз делает другое. Он нажимает на один из клыков пальцем, собирает выступающие капли, приоткрывает Тяне рот и размазывает эту жидкость по её языку.

– Лекарство. Не яд, – оправдывается он. – Она так быстрее наберётся сил.

Повисает неловкое молчание. Почти ещё более болезненное, чем предшествующий крик.

– Она просто не помнит. Просто забыла меня, – шепчет полоз. – Но помнит тебя, – он смотрит в мою сторону с завистью, смешанной с бессилием. – Проси чего хочешь, и я сделаю это, если поможешь ей вспомнить.

– Я... я понятия не имею, как это сделать, – растерянно признаюсь, отчасти ощущая страх, ползущий по спине.

Вдруг змей решит, что в таком случае от нас с Александром будет больше пользы, если он нас сожрёт. С чего он вообще решил, что у меня есть такая возможность?..

– Думай, ведьмино отродье, пока я не решил оторвать тебе голову.

– Эй, давай поспокойнее! – осекает его Александр. – Если ты не заметил, мы пробуем помочь Тяне.

Герр угрожающе на него шипит. Точно зверь.

Каждый раз я открываю в нём что-то новенькое.

– Александр, можно тебя... на разговор, – осторожно интересуюсь я.

Тот кивает.

– Идите. У меня всё равно отличный слух, и я заранее хочу вас предупредить: снаружи метель и глубокая ночь. Мы на вершине самой высокой горы Белогорья. Вам не пройти и ста метров без меня, – бросает Герр, собирая ладонью проступивший пот на лбу Тяны. Она мечется, словно в кошмаре.

Ого. Мы так высоко зашли... Точнее, нас затащили. Сколько теперь нужно времени, чтобы вернуться в замок, к Николаю, и поговорить с ним? После этих приключений я не особо желаю погружаться в мир других змей.

Я знаю, что Александр вряд ли позволит причинить брату боль, но мне просто необходимо убедиться в том, что с ним всё в порядке. Возможно, сейчас... У меня есть ещё один мотив, чтобы вернуться домой.

Странно... что я уже считаю тот замок своим домом.

– Среди каштоунов, которые со мной пришли, есть спектролит, – начинаю я рассказывать Александру, когда мы отходим на безопасное расстояние от полоза в сторону зауженного выхода из пещеры

Даже если змей нас слышит, оказаться от него хоть чуточку подальше – уже победа. Мне дышится легче без его угрожающей близости, когда он одним рывком может сломать мне кости своим извивающимся телом.

При слове «спектролит», глаза Александра становятся не просто чёрными – в них открывается бездна. Я на всякий случай избегаю называть имя Алины.

– Я знаю, что Королева использует этого каштоуна, чтобы забрать воспоминания детей верных ей пар. Знаешь ли ты, может ли спектролит не только забирать воспоминания, но и возвращать их? Я просто мало знаю об этих каштоунах. Они – редкость. Но, может, ты...

Александр отводит взгляд в сторону.

– Насколько я знаю, спектролит может вернуть только те воспоминания, которые он и забрал. И тебе стоит предупредить этого каштоуна: спектролиты слишком много знают и долго не живут. Королева избавляется от них, как только посчитает нужным. А вместе с ними воспоминания исчезают навсегда. Поэтому... боюсь, что это не сработает.

– Мы же можем хотя бы попробовать? Возможно, Николай знает какой-нибудь другой способ...

– Возможно. Но вернёмся мы не скоро, Анна. Сначала нам нужно добраться до Туманной реки и заключить соглашение со змеями. Мы не можем вернуться ни с чем. Многие люди возлагают на нас свою надежду. Понимаешь? Особенно после того, как... Красная долина пала в руки Королевы. Если

она всё же доберётся до рубиновых пещер, то сама знаешь, что будет. У нас нет времени.

Я недовольно поджимаю губы, в груди вновь просыпается волна протеста. Потому что мне до жути хочется увидеть Николая и убедиться, что с ним всё в порядке.

– Николай... – начинаю я.

– Не переживай. Он не помешает. Тебе нечего бояться.

Мне хотелось сказать, что я его вовсе не боюсь. Но слова застревают в горле. На меня наваливается груз ответственности, полностью обездвиживая. А ещё — усталость.

В голове стучит фраза: «Времени нет». Но должно же быть что-то... другой выход. Если я сейчас что-то не придумаю, то они все точно заставят меня выйти замуж за Амая и... делать то, чего я не хочу. И не просто не хочу — я не способна! Мне элементарно не хватает знаний! Я даже силу свою использовать не могу!.

– Дай руку, – просит Александр, отвлекая от тревожных мыслей.

Я протягиваю ему ладонь, рана вновь кровоточит.

– Тебе нужно успокоиться, – Александр накрывает её своей рукой. Я чувствую тёплое покалывание. – Нужно промыть. И перевязать. Отдохнешь перед дорогой. Пока Тьяна не пришла в себя, змей вряд ли выдвинется в путь. У нас есть немного времени. Также я постараюсь отрегулировать кровоток Тьяны. Это ей поможет.

Я соглашаюсь с ним. Тело в мгновение наливается устало-

стью. Голова кружится. Александр помогает найти удобное место, чтобы я могла присесть. Вероятно, потеря крови всё же существенная. Я не ощутила этого сразу, потому что была в ужасе от Герра. Теперь страх сменился бессилием.

Смотрю, как Александр берёт кусочек льда, растапливает его в ладони, промывает мне рану, а затем накладывает лоскут, оторванный от его плаща.

Поднимаю глаза на выход из пещеры. Снаружи завывает ветер и забрасывает внутрь снег....

Герр прав, в такую погоду далеко не уйдешь.

Я наблюдаю несколько секунд за вихрями снега, пока в проходе не появляется тень...

Знакомый силуэт и движения...

Сердце пропускает удар. Я задерживаю дыхание, готовясь убедиться в том, что я не брежу и передо мной на самом деле стоит Николай...

Анна

Тень стоит неподвижно.

Она мысленно возвращает меня в тот день и время, когда я пыталась выстирать рубашку Тиграна на берегу реки. Тогда за мной тоже наблюдала тень...

Сердце замирает.

– Николай, – еле слышно шепчут мои губы.

Александр поднимает на меня глаза.

Он ещё не понял.

А я поняла.

Николай пришёл за мной. Он выбрался, куда бы его ни поместил Амай, и нашёл по маячку.

Александр недооценил своего брата.

Сейчас, когда он поворачивается, прослеживая мой взгляд, выражение его лица стремительно меняется: с недоумённого на испуганное.

Он резко встаёт.

А я убеждаюсь, что это не галлюцинация.

Это Николай.

На моём лице проскальзывает слабая улыбка.

Мне и радостно, и страшно одновременно. Должно быть, Николай зол.

Тень делает шаг внутрь. Лицо озаряется мерцающим све-

том огня. Бесчувственное и жестокое выражение делает Николая незнакомцем.

Он полон ненависти.

Его взгляд медленно, словно яд, прожигает то меня, то своего брата.

Я тоже встаю, в нетерпении прижаться к широкой груди Аркаса.

Он нашёл меня среди снежной бури, в горах...

Но Александр оттесняет меня и закрывает своей спиной.

Зря он это делает.

Глаза Николая грозно сужаются, в них вспыхивает свирепая ненависть, разрушающая всё на своём пути и изнутри.

Он смотрит на Александра так, словно перед ним вовсе и не брат, по которому он так долго горевал и из-за которого даже хотел меня убить, а кто-то другой, чужой, самозванец, которому сейчас он собирается свернуть шею.

Меня бросает в панику. Николай на грани братоубийства.

Его брат предал его. Скрывал, что жив всё это время. Был в сговоре с Амаем и моей матерью...

Я бессильно сжимаюсь в комок, чувствуя стремительно нарастающее напряжение.

Николай не говорит ничего.

Он резкими и быстрыми шагами подходит к Александру вплотную. Глухой удар. Брат-близнец, которого все считали погибшим, склоняется к каменной глыбе, на которой только что сидела я.

Из его скулы хлещет кровь.

– Не надо! – умоляю я, вставая между двумя и вглядываясь в лицо Николая, пытаюсь отыскать каплю человечности.

Им нужно сначала поговорить, а вот потом уже решать все остальные вопросы кулаками или чем-то ещё.

Николай смеряет меня презрительным взглядом, от которого становится холодно и неприятно.

– Пожалуйста, послушай меня, – задыхаясь, говорю я, но кровь в венах бурлит так, что мне сложно двигать языком. Он немеет от абсурдности всей этой ситуации.

Но Николай молчит.

Я делаю к нему шаг, и он отстраняется от меня, как от проказы.

– Нет, ты выслушаешь меня, – я крепко сжимаю зубы и кулаки, подавляю всхлип в горле.

Он может послушать хотя бы меня!

Я делаю ещё несколько шагов, пытаюсь ухватиться за его руку или за что-то ещё. Почему-то уверенная, что, обнявшись, все недопонимания обязательно исчезнут.

Николай ускользает, словно рыба из рук, оставляя разрастающуюся в груди пустоту.

Он отворачивается и с полным безразличием отдаляется к выходу. Словно все, что между нами было больше не имеет никакого значения. Я петляю за ним, шатаюсь от бессилия и дрожа, пока вторая тень не встает на моем пути.

Вира.

В тёмных растрёпанных волосах и ресницах запутались снежинки.

Она смотрит на Александра, пока по её щекам скатываются слёзы. Это второй раз, когда я вижу, что она плачет. Первый — когда я заставила её почувствовать всю горечь утраты и вину, которую я чувствовала из-за гибели Александра.

Она любила его.

Страдала. Превратила себя в настоящий камень, холодный и бессердечный. И теперь узнаёт, что он — жив и вовсе не ищет встречи с ней.

Мне больно даже смотреть на нее.

Тогда она рыдала, билась в истерике. Сейчас по мертвецки бледному лицу скользят беззвучные слезы. Правда будто убила ее.

Александр сидит, прижимая ладонь к кровоточащей скуле.

Его глаза блестят, но сложно понять, что он чувствует.

Почему и он молчит?

Неужели так сложно поговорить и выслушать друг друга? Да что же это такое?

Николай же обещал, что у меня всегда будет возможность с ним объясниться... почему же он... уходит?..

Его спина скрывается в метели, вызывая приступ паники.

Я шагаю в его сторону, но Вира почти брезгливо отталкивает меня назад.

— Даже не думай, — угрожающе шипит мне. — Ты не

достойна его.

Она окидывает меня уничтожающим взглядом, как будто я не более чем жалкая и продажная шлюха. Как будто я предала Николая.

Предала ли я?

Чувство ущербоности отравляет меня изнутри.

Ви́ра морщится, видно, как напрягаются её скулы.

Ещё одна тень выходит мне навстречу.

Ванда.

– Ванда, вы должны меня выслушать! – требую я. – Он не может! Там... опасно!

Я рвусь вперёд, но тут же оказываюсь на ледяном полу.

Сердце застывает в агонии, словно Ви́ра впивается в него своими ногтями. Не только я, но и Александр падает скрюченным от боли.

– Не приближайтесь, – ядовито цедит Ви́ра, после чего разжимает тиски своих каменных сил и скрывается во тьме.

Пока я пытаюсь прийти в себя, слышу голос Ванды, словно из-под подушки:

– Прости, Анна, это должно было произойти. Я предупредила. Но не волнуйся. С ним всё будет хорошо. – это звучит как колыбельная.

В глазах темнеет, а по щеке скользит слеза.

Он не вернётся. Он оставил меня. Бросил! И даже не дал мне в е сказать...

Как же это несправедливо...

Николай

Холодная вода. Мерзостное ощущение...

Я медленно прихожу в сознание, ощущая саднящие запястья.

Вот же гадёныш... Он приковал меня к стене.

Не открывая глаз, я усмехаюсь.

— Я же обещал, что покажу тебе свой подвал, — голос ублюдка вызывает смех.

Что же... Я ожидал. Приоткрываю глаза.

— Так вот. Добро пожаловать, — Амай разводит руки в стороны, самодовольно указывая на каменные стены.

— И? Что ты собираешься делать? — хрипло выдавливаю. — Ты не из тех, кто просто так тешится своим превосходством. Что тебе нужно?

Голова трещит. Приходится прикрывать глаза, чтобы немного унять противное ощущение.

Нам с Анной что-то дали. Ожидаемо.

Я не чувствую своих сил. Я даже не помню, как заснул... Помню только поцелуи и глубокие ласки. Моя маленькая малахитница... Я уже думаю о том, что сделаю с ней, как только выберусь отсюда. А то, что я это сделаю, у меня нет сомнений.

— О, я ничего с тобой не сделаю, — ухмыляется Амай, делая странный жест ладонью и заставляя капли воды появиться из ниоткуда. — Если ты согласишься на мои усло-

вия. Только и всего.

Он играет с водой, перемещая её справа налево и обратно. Во время движения её становится больше. Она даже приобретает очертания животных, цветов. Особенно забавным кажется водяной медведь.

Идиот.

Вряд ли он собирается испытывать мою выдержку, заставляя смотреть на его фокусы. Для меня у него припасено нечто другое. Не сомневаюсь. Я наконец-то увижу, что там, на его двойном дне.

Чтобы проверить, подействует ли противоядие, сначала надо попробовать яд. И я готов это сделать.

— «Всего» — это чего? — я шурю.

— Ну... — он делает вид, что полностью погружён в свои водные поделки. — Сначала ты оставишь в покое Анну, искренне поздравившись с ней на нашей свадьбе и поможешь нам свергнуть Каменную Королеву.

Хрипло смеюсь. Он больной?

— Нет, — цежу сквозь зубы.

Амай с наигранным разочарованием цокает языком.

— Тебе не стоит так быстро отказываться.

Он ещё раз повторяет свои мерзкие условия, но я принципиально на них не соглашусь. Мне не о чем разговаривать с теми, кто надевает на меня кандалы.

Амай поднимает на меня свои глаза. В них нет ничего. Пустота.

Вода, с которой он только что играл, теперь заполняет мой рот и нос. Я задыхаюсь.

И этот ублюдок прекрасно знает, как сделать эту пытку невыносимой!

Он даёт мне передышку и вновь повторяет вопрос. На самом деле ему проще меня убить, чем в чём-то насильно убедить. Но он этого не делает. И это даже вызывает интерес.

Пытка повторяется, напоминая, как относительно время: когда ты задыхаешься — секунда кажется вечностью, а когда вновь вдыхаешь воздух — времени всегда недостаточно.

— Ну же! — раздражённо вздыхает он. — Мы можем закончить это сейчас же, стоит тебе согласиться и принести клятву.

Кажется, что в его взгляде проскальзывает сочувствие.

Придурок. Он зря теряет время.

— Как насчёт твоей клятвы? Ты обещал отвести меня к Рубиновым пещерам. И?

— И я отведу тебя туда. Как только Королева перестанет быть угрозой всему миру!

Я смеюсь, но больше похоже, что задыхаюсь.

— Если доживёшь, — бросаю ему.

Этот гадёныш подписал себе приговор.

Говнюк.

— Я хочу видеть Анну, — шиплю я.

— Увы, это невозможно, — он качает головой, вновь собирая капли воды для последующих «водных процедур».

— Бастард, — рычу я, мысленно готовясь пережить ещё один приступ удушья.

— Зови меня как хочешь. Я к этому привык, — с безразличием отзывается Амай, вновь подвергая меня своим издевательствам.

— Ну так что? Мы договорились? — интересуется он после того, как меня выворачивает.

— Пошёл ты, — сплёвываю ему под ноги. — Ты сделаешь из неё мишень. Она к этому не готова, — я с трудом узнаю свой охрипший голос.

— Мы её подготовим. Ты же знаешь, как быстро она учится.

Меня берёт зло. Да, я знаю. И так же понимаю — Анна ни за что не захочет стать марионеткой в чьих-то руках. Даже если за ниточки будет дёргать её мать.

И маленькая малахитница должна иметь возможность самой решать, что ей делать, а что нет.

— Удивляюсь твоей выдержке... — вновь заводит разговор Амай после очередного захода. — Но ради чего это всё? Столько сил... А ведь Анна уже далеко. Она оставила тебя нам.

— Ты врёшь, — я знаю этот приём. Сначала истязать как положено человека, а потом залезть ему в мозги и заставить поверить во что угодно.

Амай коротко усмехается.

— Видишь ли, Николай. У нас есть достойная альтерна-

тива тебе и твоим... усилиям. Анна уже в курсе. Ты наверняка заметил, что мы здесь с тобой уже долгое время, а она так и не появилась. Не отыскала тебя.

Я закрываю глаза, пытаюсь сконцентрироваться на остатках разума. Анна не пришла. Должно быть, они заперли её где-то. И если они делают с ней то же самое, то я вскипачу каждому кровь, вне зависимости от родства или прошлых заслуг.

— Сейчас ты думаешь, что мы её где-то удерживаем... Но это не так. Она свободна. Просто, она уже сделала свой выбор.

Я продолжаю молчать, плотно сцепив зубы.

— Эх... Не понимаю тебя. Возможно, всё дело в Григории, твоём брате, которого удерживает твоя Королева. Но тебе давно пора бы отпустить его.

Моё тело становится камнем. Откуда этот ублюдок знает о брате?

Я не успеваю спросить.

Струя воды вновь всплывает мне в ноздри, заставляя задыхаться. Сколько это будет продолжаться — неизвестно.

Мне остаётся только терпеть и стараться не сойти с ума.

В голове стучит имя брата. А на фоне, я слышу смех и стоны Анны. А потом все заполняет пустота.

Николай

Понятия не имею, сколько времени прошло, но вся эта грёбанная карусель с водой меня вымотала.

Мысли сменяются молнией в голове — одна за другой. Вся эта скорость увеличивает растущую ярость.

Иногда я вижу её.

Мою Анну.

Она только моя.

Её добрая улыбка помогает держаться дальше. Она наверняка уже ищет способ вытащить меня. Не сомневаюсь. Маленькая малахитница не глупа. Она успела понять в чём подвох.

Я пробую улыбнуться, скопировав её добрую улыбку из воспоминаний. Почему у меня не получается делать это так же искренне, как она?

Приоткрываю глаза.

Мокрая рубашка, кажется, вытягивает последнее тепло из моего тела. Я дрожу от изнеможения, холода и злости.

В этом грёбанном подвале нет окон — одни факелы. Из-за этого невозможно понять, сколько времени прошло. Я то отключаюсь, то прихожу в себя... Неугомонный гад решил потратить здесь со мной целую вечность. Он же знает лучше, чем кто-либо, что я не поддамся на его водные игры. Ему

проще меня убить.

Но он этого не делает.

Лязг замка. Скрип двери.

Я мысленно готовлюсь к новой порции «водных процедур» Хладного.

Но на этот раз он приходит не один. С ним — её мать.

Проклятье. Мне с самого начала хотелось вскипятить этой женщине кровь, но я решил этого не делать. Пока.

Это мать Анны. Пусть для меня это ничего не значит — я понятия не имею, что такое иметь мать, — я уверен: эта женщина важна для Анны. И каких бы гадостей та ни делала, она всегда будет её матерью.

Как же несправедливо! Анна достойна лучшего.

— Если ты так любишь мою дочь, — говорит она, — ты оставишь её в покое и встанешь на нашу сторону.

Опять. Завела песню.

— Я даже соглашусь на то, чтобы ты с ней виделся, если она того, конечно же, захочет.

«Если захочет?»

Конечно, Анна захочет.

— Думаешь, мне просто делать это с моей собственной дочерью? Пожертвовать самым дорогим? Нет. Это невыносимо больно. Каждый должен пожертвовать чем-то. Анна важна в борьбе со злом. Сама природа дала нам шанс и сделала её равной королеве.

Я усмехаюсь.

Природа?

Я помню, как самолично нарушил все правила и вытащил Анну из чёрной дыры пещеры самоцветов. Она должна была погибнуть, как и все, в ком течёт хоть капля крови от магов.

То, что Анна пережила весь кошмар сыворотки и Горнила камня, — это только её заслуга. Другой бы уже сломался на её месте. Чего стоит одна Каверна смерти — оттуда ещё никто не выходил живым.

Но то, к чему они её принуждают, манипулируя и обманывая... Они собираются сделать из неё спасительницу этого грёбаного, лживого и жестокого мира!

— Она не готова к этому, — хрипло повторяю то, что уже сотни раз говорил Амаю. — Сейчас она в крайне уязвлённом состоянии. Вы понятия не имеете, кто Королева и что из себя представляет.

Как бы сильна ни была Анна, пока она не может сравниться с Королевой. Особенно в браслетах. Особенно пока рубиновая удерживает в плену её сестру. Я знаю, каково это. Ведьма умеет залезть в голову. Она коварна, беспощадна, кровожадна... Обладание силой — вовсе не гарантия успеха, когда твой противник — искусный манипулятор, оттачивающий своё мастерство пятьсот лет.

Однако, в отличие от многих, Королева держит своё слово.

— Ты понятия не имеешь о том, на что способна моя дочь, — говорит эта женщина, как будто сама знает. — Ей просто

предначертано править. Она — надежда не только эфирного клана, но и всего мира. Майор Аркас, Анна спасёт этот мир от Королевы, с твоей помощью или без! — последние слова женщина выговаривает почти с визгом. Как будто ей самой больно от того пути, на который она обрекла свою дочь. Знает же старуха, что Анна может погибнуть. И погибнет, если они возьмутся за воплощение этого плана.

Это похоже на фанатизм.

Когда-то рубиновую тоже убеждали, что она должна справиться со злом, что она особенная, как богиня. В итоге её обманули, сломали, превратив в чудовище, и выкинули, причинив боль. Она стала не просто монстром, а настоящим злом, которое пришлось заточить в ледяных горах.

Нет, Анна не пойдёт через это, пока сама не скажет, что готова.

Маленькая малахитница не настолько глупа, чтобы верить в своё превосходство, когда она даже не умеет пользоваться своими силами. Она не сможет противостоять совету мавридийцев и уж тем более — Королеве. Пока.

Ей ещё нужно научиться контролировать своё безумие. Они не знают, каково это, но я успел почувствовать, когда Анна делилась со мной своими ощущениями.

Из спасительницы она быстро перейдёт в разряд монстров, как это было с рубиновой... А, зная мавридийцев, уверен, за её спиной выстроится целая очередь желающих воткнуть в неё нож.

— Боишься, что она станет королевой и ты ей будешь больше не нужен? — фыркает Амай, играя с водяным медведем.

Я поднимаю на него глаза, затем перевожу взгляд на мать Анны. Замечаю шевеление за решёткой. Охрана медленно и бесшумно оседает на пол. За мной пришли. Наконец-то.

— Вы мне всё сказали? — спрашиваю.

Двое устало и разочарованно переглядываются, еще не подозревая, что наша встреча подошла к концу. Мать закрывает глаза и презрительно отворачивается, пока Амай направляет ко мне бегущего медведя из воды.

Но тот не добегает. Хладный и мать Анны медленно валятся на пол, словно мешки.

Интересный эффект. Двое не могут даже моргнуть, будто все мускулы в их теле перестали существовать. Это точно не Даларас.

Вскоре я вижу нескольких каштоунов — тех, с кем общалась Анна. С ними та самая провидица с татуировками.

Но Анны среди них нет.

Я сжимаю зубы, пытаюсь избавиться от неприятного предчувствия. Хочется обнять ее, почувствовать в своих руках, как никогда раньше...

Николай

Ванда, та самая провидица, бесшумно склоняется к Амаю и забирает у него ключи вместе с печатью от моих блокирующих браслетов. Следом, она быстро помогает мне освободиться.

Треск.

Стены подвала сотрясает невидимая сила, а с потолка сыпется песок.

Грохот. Пришёл. Как вовремя.

Значит, прошло пять дней, с тех пор как мы покинули земной легион.

Мне приходится воспользоваться помощью одного из каштоунов, подставивших мне плечо, — настолько моё тело ослабло.

Я осматриваю каштоунов, пришедших мне на подмогу, а затем перевожу взгляд на Амая.

— Наша разница в том, что ты собираешься сделать из неё мишень. Я же хочу, чтобы она узнала свои возможности, сама решила и выбрала свою роль в этой истории. И поверь, я сделаю всё, чтобы она была в безопасности, — хрипло выдавливаю я, казалось бы спящему Амаю. На самом деле, я знаю, что он меня слышит.

О да, этот ублюдок не спит.

Его и мать Анны накрывает полупрозрачным куполом.

Мне уже знакома эта преграда. Так нам удалось выжить в горящей хижине...

Стены вновь дрожат. Как бы мне ни хотелось уничтожить это место — я не буду этого делать. Это её дом.

Меня вытаскивают из подвала.

В коридоре мы натыкаемся на Даларас, которая, очевидно, была не в курсе операции группы Анны.

Ледяной взгляд лейтенанта сменяется на испуганный, брови взлетают вверх, как будто она не ожидала меня здесь увидеть. Как будто...

Я поворачиваюсь к провидице.

Она знала... Ванда смущённо опускает глаза.

— Майор, — начинает Даларас. — Я была уверена, что ты... Я видела, как вы с Анной уехали... — она впервые такая растерянная.

И её слова тоже заставляют меня потеряться.

Как будто ты шёл в толпе, разговаривал с человеком, а потом — раз! — и заметил, что твой собеседник пропал, а сам ты оказался в незнакомом тебе месте.

В голове что-то стреляет.

Мы. Уехали. С Анной.

— Где она? — глотку разрывает вопрос, пока дворец сотрясает ещё одна волна землетрясения.

Я знаю, что сейчас не время.

Даларас цепенеет. Нервно сглатывает. Молчит.

Анна не могла уехать.

Она не могла так просто оставить меня.

— Где она?! — я срываюсь на звериный рёв, уже не понимая, из-за чего осыпаются стены: из-за манёвров Грохота или из-за моей ярости, рвущейся наружу.

Все молчат. В глазах темнеет.

Я слышу топот где-то совсем рядом.

Дворец уже поднят на уши. Судя по звёздному небу, сейчас ночь.

— Её здесь нет, — холодно отвечает Ванда.

Я смотрю на неё с подозрением. Она слишком много всего знает. Но сейчас не время для выяснения деталей...

— Нам надо выбираться отсюда. Где остальные? — резко бросаю я Даларас, пытаюсь шагать самостоятельно по коридору.

— Я... я их предупредила. Они будут ждать нас за кратером, — сообщает Ванда, косясь на Даларас.

Провидица прекрасно понимает, что за непослушание ей грозит жестокое наказание. Но если бы она не нарушила правила — возможно, я был бы сейчас ещё в плену. И неизвестно, смогли бы мы воспользоваться суматохой, созданной Грохотом.

Подозреваю, что иметь в своём отряде провидицу — невероятная удача.

Пока...

Мы спешим в конюшни.

Однако здесь нас окружают. И нет, это не мелкие сосунки, которые сопровождали нас.

Это настоящие маги. Воины. Нас окружают огненным кольцом. Амай не терял времени даром. Он успел подкупить не только часть водников, но ещё взял в своё войско огневи-ков...

Вот же гад...

Я вижу, как скалится Даларас, как остальные прижимают-ся друг к дружке, становясь спина к спине.

Только провидица спокойна.

Слишком спокойна.

Значит, она прекрасно знает, что будет дальше.

Внезапно земля исчезает из-под наших ног, и мы прова-ливаемся вниз.

Нас буквально засасывает в землю...

13

Николай

Песок закупоривает лёгкие. Нечто утаскивает нас вглубь. Всё это длится недолго, но позволяет сполна почувствовать себя закопанным заживо.

Земля выплёвывает нас прямо перед Грохотом и несколь-кими воинами. Мы выглядим словно мертвецы, выбравши-еся из могил.

Пока я пытаюсь откашляться, Даларас уже готовится к бою. Она ещё не знает о легионе. Я не успел ей сказать. Не всё.

Кладу ей ладонь на плечо. Она с непониманием смотрит в мои глаза, а потом поворачивается к грозному Грохоту.

Тот расправляет плечи и усмехается, наблюдая за тем, как Вира пытается вытащить ступни, застрявшие в земле.

— Ты вовремя, — говорю я Грохоту сиплым голосом, выплёвывая землю. — Лейтенант Даларас. Грохот, — представляю я их. — Это одна из наших групп. Остальные...

— Остальные уже с нами, — строго сообщает Грохот, подавая мне руку. Мои ноги ещё застряли в земле, я с трудом выбираюсь. Я прохожу немного вперёд и вижу остальных каштоунов, мирно болтающих с солдатами.

Я поворачиваюсь к провидице. Она смущённо опускает глаза. Неужели знала заранее, куда и зачем? Я ведь никому не говорил о нашем с Грохотом договоре: в случае, если он не получит от меня новостей, — то выйдет на поиски через особый талисман.

Грохот ещё полон ненависти ко мне после того, как я убил его брата. Но сделать он мне ничего не может, пока на мне печать легиона, и вынужден выполнять приказы. Я тоже его ненавижу. Из-за этого ублюдка я потерял много каштоунов. Приходится гасить свои чувства, чтобы прийти к цели. Грохот оказался очень полезен. Сейчас он подаёт мне воды и каких-то сухих ягод, чтобы я мог прийти в себя.

Я пробегаюсь глазами по всем присутствующим. А затем, воспользовавшись моментом подготовки к отходу, отвожу Даларас в сторону.

— Где Анна?

— Я... я видела, как вы с ней уехали... Взяли лошадей на утро после праздника и уехали. Амай сказал, что вы должны были направиться к Туманной реке...

— Лгун. Как давно это произошло?

— Два дня назад...

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на маячке. Я ещё слаб, но сил мне вполне достаточно, чтобы проверить зону кратера. Её здесь нет. Проклятье!

Не знаю, в какие игры играет Амай, но меня глубоко цепляет то, что он сказал правду. Анны здесь нет.

— Я... была уверена, что это ты... Это же не мог быть...

Мой брат? Который в коме? Или тот, который погиб?

— Молчи, — зло шиплю я, а самого что-то гложет, что-то мерзкое и противное. Ненавижу это предчувствие.

— Нам нужно найти её.

— Но она предала тебя! — возмущается Вира, будто специально проехавшись по самому сердцу.

— Всё равно! — рывкаю я, вне себя от злости.

Мы возвращаемся к остальным. Силы постепенно возвращаются ко мне.

Но я всё же не могу найти себе места. Анны здесь нет. Нам надо уходить. Но я не могу смириться с тем, что уйду без неё.

Подхожу к провидице.

— Можешь увидеть, где она? — я даже не называю имя Анны, потому что оно сейчас болью врежется в сердце. Она

не могла оставить меня. Не могла не понять, что это был не я. И даже если Амай её обманул, создав какую-то иллюзию, она бы уже вернулась, поняв, что это не я. Возможно, что-то произошло.

— Я могу попробовать, — Ванда садится на землю и закрывает глаза.

— Горы. Холод. Зима, — шепчет она.

Единственные горы, сейчас покрытые снегом, — это вершины Белогорья.

Как она успела добраться туда? Или она ещё только туда направляется?

— С ней всё хорошо?

— Да. Потому что с ней майор, — бормочет Ванда, пока по её рукам ползают красные татуировки.

Отлично, но проблема в том, что меня там нет!

— Ты видишь реальное время? Или будущее?

Ванда качает головой.

— Я не знаю, — признаётся девушка.

Ладно, это уже что-то.

— Иша, какие дальнейшие распоряжения? — испытующим взглядом смотрит на меня Грохот.

— Я отправляюсь в Белогорье. Ты, — я показываю на Ванду, — пойдёшь со мной.

Девчонка послушно кивает.

— Остальные пусть возвращаются в Красную долину. А мы выдвигаемся немедленно.

Я слышу, как повисает недоумённое молчание. Впервые я чувствую себя растерянным перед взглядами солдат и каштоунов. Ситуация с Анной не просто выбила меня из колеи. Похоже, что это сломило меня напополам! Даже если я ещё не всё знаю...

— Я пойду с вами, — отрезает Вира. — Я хочу знать, кто это был.

Я коротко киваю и начинаю отдавать остальные распоряжения.

14

Анна

Я плохо помню, что было после того, как Николай ушёл. Даже не знаю, сколько времени я пролежала на заледеневшем полу пещеры. Вряд ли долго: Александр быстро пришёл в себя, а Герр решил запихнуть меня в шкуры рядом с Тяной. Мне хотелось остаться лежать здесь навечно.

Николай ушёл. Бросил меня.

Даже не выслушал!

Он ушёл, но забрал с собой моё сердце. Теперь я ощущаю болезненную пустоту в груди.

Я отдалась ему. Доверилась. И мне всё ещё сложно поверить, что он мог так со мной поступить.

Больно и то, что с ним ушла Ванда. Уверена, не только она. Скорее всего, все каштоуны покинули секретный кратер эфирников... Я стала для них просто предательницей.

Герр о чём-то долго спорил с Александром, но все сло-

ва пролетали мимо. Меня накрыло отрешённостью и полным безразличием ко всему происходящему. А потом начался жар.

Я погрузилась в сон на некоторое время.

Когда снежная буря снаружи стихла, мы стали выбираться из пещеры. Герр откуда-то взял сани, куда сгрузил нас с Тяной и Александром, а сам впрягся вместо лошадей. Огромное змеиное тело справлялось с передвижением лучше, чем тройка запряжённых коней. Удивительно, что ему не было холодно.

Заметив знакомые места, я поняла: мы сменили первоначальный маршрут, по которому должны были направиться к Туманной реке.

Мы возвращаемся к замку эфирников.

Весь путь до дома прошёл словно в вязком тумане. Странно так называть это место. У меня нет сомнений, что Николай не причинит зла моим родным — я отказываюсь в это верить. Но если ему удалось выбраться, значит, он всё же что-то натворил.

Всю дорогу я старалась избегать разговоров с Александром. Он тоже сник, но казалось, что не особо переживал о встрече с Вирой и о том, что она ушла. Как и Николай...

Тьяна, если не спала, постоянно ругалась с Герром, даже когда он в моменты её бодрствования принимал человеческое обличье. Ему приходилось её специально усыплять, чтобы у Тьяны вновь не начались приступы странной эпи-

лепсии. Нужно будет показать её доктору. Срочно.

Нам повезло, и по дороге мы встречаем человека, который осматривает и меня, и Тяну. Несколько странно пахнущих отваров — и меня перестает лихорадить. Однако внутри я ощущаю себя мёртвой: слишком много всего навалилось.

Наконец мы проходим сквозь стену кратера — и я вижу дворец. Он цел, и в нём кипит жизнь. Что ж, это даже радует.

Однако поблизости я замечаю широкую полосу взрытой земли. Что-то подсказывает: здесь побывал Грохот. Конечно...

Нас замечают издалека. Теперь я вижу как дружно и уверенно метнулись темно синие фигуры, чтобы передать сигнал. Кто-то из них спешит к нам, чтобы сопроводить. Герр в своей змеиной форме не внушает им доверия...

Я насчитываю около двухсот солдат в темно-синей форме — и это те, что я вижу. Сколько их здесь? Александр реагирует на них спокойно, значит, их появление для него не ново.

Амай говорил, что готовился отомстить и захватить власть. Это его войско, которое он тщательно скрывал от меня и от Николая.

Возле парадного входа нас встречает Елена: она обнимает меня, целует, а потом прыгает в объятия... Александру. Она не просто чмокает его в щёку — она ловит его страстный поцелуй.

Я сначала молча наблюдаю за этой картиной, не сразу понимая, что происходит. А когда понимаю — меня не остано-

вить. Ноги сами ведут к Александру, а кулак поднимается, чтобы зарядить в его скулу, — в ту самую, которую уже разбил Николай, — чтобы было побольнее.

— Ты чего? — вскрикивает Елена, глядя на меня с диким ужасом. Затем она вцепляется в меня, пытаясь оттащить подальше от Александра.

Но это бесполезно. Даже не знаю, что было бы, не будь на мне браслетов.

— Лейтенант Даларас думала, что ты мёртв. Она страдала. А ты... ты, оказывается, развлекался с моей сестрой?! — я вне себя от бешенства.

Как будто поцелуй Александра с Еленой стал последней каплей. Я могу понять его тягу к миру, к спасению людей от Королевы... но это...

Нет!

Это подло!

— Предатель! — слетает с моих губ. Я даже забываю о том, что жива благодаря этому человеку... И всё же...

— Он... ничего не помнил. Я виновата сама, — оправдывается Елена, но Александр её умиряет, приобнимая за плечи. Он делает это так ласково, что у меня ёкает сердце. Как же он похож на Николая... Теперь я понимаю, почему сестра не сводила глаз с майора.

— Я заслужил. Мне жаль. Я вспомнил о Вире только тогда, когда увидел её в замке, и не успел извиниться...

От его слов легче не становится.

Сейчас мне хочется сломать всё. Особенно шею близнецу Аркаса.

Анна

— Анна, прекрати! — я слышу голос матери и чувствую, как внутренняя буря чувств рвётся наружу.

Почему они меня не понимают?!

Такое чувство, будто я борюсь в одиночку с торнадо. Меня обманули, предали, подставили, закрутили, как какую-то игрушку!

Поворачиваюсь к матери с пылающим лицом. Мне есть что ей сказать, ведь всё это — часть её плана.

Она знала.

Манипулировала мной.

Замираю, когда вижу её — бледную, опирающуюся на ко-
стыль. Амай стоит с ней рядом и придерживает, как будто она вот-вот упадёт...

Мама выглядит болезненно осунувшейся.

Я проглатываю свою злость.

— Что случилось?.. — спрашиваю глухим голосом.

Мама поджимает губу и мотает головой. Её глаза блестят от слёз.

— Ничего страшного, — отвечает она дрожащим голосом.

Тишина.

Амай прожигает меня своим ледяным и обвиняющим

взглядом, как будто в плохом состоянии матери виновата именно я.

— Нет уж. Она должна знать, — чеканит Хладный и выходит вперёд.

Мама цепляется за его рукав, как будто пытаюсь остановить от того, что он собирается мне сказать.

— Николай. Вот что случилось. Он хотел убить твою мать, — выдавливая Амай мне в лицо.

И я теряюсь...

Голова идёт кругом.

С одной стороны, я не верю, что он мог это сделать. С другой... я уже больше не знаю, во что верить...

— Он не стал бы этого делать! Если бы ему не грозила смертельная опасность! — внезапно на защиту своего брата встаёт Александр.

Неужели в нём проснулась совесть?

— Что вы с ним сделали? — почти рычит он. — Мы договаривались, что вы не причините ему вреда!

В груди всё переворачивается. Я теряю опору.

Чтобы выйти из себя, Николаю было достаточно того, что я ушла без него. И я понятия не имею, что наговорили ему Амай и мама...

— Эй! Как ты смеешь? — напирает на него Амай. — Мы с ним и разговаривали. Ему не понравились наши условия. А потом подросли твои друзья и Грохот.

— Мне жаль, что я тебя встречаю с такой новостью. Он

показал нам совсем другое свое лицо... — по щеке матери скатывается слеза. — Ты не веришь? — спрашивает она у меня, и не высказанные слова вместе с чувством вины душат.

Слышу, как хрустят костяшки пальцев Александра, вижу краем глаза, как Елена прижимается к нему плечом.

Я молчу.

Не могу поверить, что Николай пытался убить мою мать, и не могу обвинить её во лжи — ведь она едва стоит на ногах!

Меня рвёт на части.

Я просто киваю и пытаюсь удержать равновесие, чтобы не свалиться от нахлынувшей тяжести в плечах.

Амай возвращается к моей матери и заботливо приобнимает её за плечи. Она слабо мне улыбается и опускает взгляд.

Я ощущаю себя монстром и неблагодарной дочерью... И в то же время, я парализована. Не могу найти в себе сил, чтобы обнять ее...

Хладный помогает матери сделать несколько шагов в сторону Герра. Я дёргаюсь, желая тоже как-то ей помочь, чтобы не чувствовать себя последним дерьмом, но уже поздно.

Я натыкаюсь на жёсткий взгляд Амая. Он будто обещает, что нас с ним будет ждать серьёзный разговор.

— Я вижу у нас в гостях представителя величественной расы полозов. Милости просим к нашему скромному двору, — сладким голосом произносит мама.

— Благодарю за гостеприимство, — Герр кланяется ей. — Я и моя невеста с удовольствием им воспользуемся.

— Невеста? Какая я тебе невеста?! — фыркает Тьяна, но после, все же с благодарностью кланяется моей матери.

— Елена, попроси, пожалуйста, на кухне, чтобы отловили гусей к ужину, — обращается мама к сестре. — Сегодня мы скромно отпразднуем ваше возвращение и новое знакомство.

Я бросаю взгляд на Герра — змея, который, несмотря на то, что чуть не убил меня дважды, получает куда более тёплый приём, чем Николай.

Я чувствую себя полностью разбитой. Возможно, у меня вновь поднялась температура, поэтому я сразу же пользуюсь приглашением матери отдохнуть.

Оставляю всех позади и добираюсь до своей комнаты.

Наконец-то я одна.

После лёгкого душа с дороги и смены одежды, я падаю на кровать и утыкаюсь носом в подушку, нюхаю, пытаюсь уловить запах Николая... но его больше нет.

Я скатываюсь на пол.

Слёзы льются из глаз...

Стук в дверь.

Я не хочу никого видеть.

Стук повторяется.

Пока я вытираю слёзы, в комнату заходит Амай — без моего на то разрешения...

Ноги затекли, и я неуклюже поднимаюсь с пола, готовая как минимум наградить его пощёчиной, но он оказывается

быстрее.

Мгновение — и он держит меня в своих руках, крепко прижимая к себе и не позволяя рукам двигаться.

Я почти рычу — на мне одна сорочка!

— Тише. Хватит рыдать. Я рядом. Я знаю, что тебе больно, но я с тобой, Анна. Он тебя не заслуживает. Он просто использовал тебя. Он враг, Анна. Он пытался убить твою мать...

Его голос звучит нежно, но слова всё равно падают раскалённым железом на грудь.

Я всхлипываю и чувствую, как рука Амая прижимает мою голову к его груди.

Почему так больно от мысли, что меня утешает Хладный, а не Николай?!

Я ощущаю себя связанной по рукам и ногам невидимыми нитями...

Устав сопротивляться, я отступаю.

Позволяю себя обнять и даю полную волю слезам.

16

Анна

Я не замечаю, как засыпаю в руках Амая.

Просыпаюсь на его груди... Рубашка полу расстёгнута, а моя ладонь касается его обнажённой кожи — прямо над сердцем. Меня словно обжигает раскалённым железом, и я убираю руку.

За окном уже тёмная ночь, но Хладный всё так же крепко

прижимает меня к себе. Мы на постели в моей комнате. Я укутана в одеяло, и это радует. Амай не воспользовался моей слабостью. По крайней мере, не распустил руки. Ну, почти...

Он сразу замечает моё пробуждение, проводит ладонью по щеке — будто проверяя, не плачу ли я снова.

Конечно, осознание того, что я в объятиях другого мужчины, сбивает с толку. Это не Николай... В груди всё сжимается, становится нечем дышать. Я все больше чувствую себя предательнице.

Отстраняюсь от Амая и присаживаюсь на кровати.

Он повторяет за мной, зевает, лениво потягивается.

— Отдохнула? — спрашивает он.

Я киваю. Сил нет даже на то, чтобы на него разозлиться.

— Мы пропустили ужин. Твоя мама решила нас не тревожить.

Я поднимаю на Амая глаза. Проклятье. Наверняка все в замке уже знают, что мы спали вместе...

Я рано подумала, что он мной не воспользовался. Не удивлюсь, если он сделал это специально — намеренно показал всем, что провёл ночь в моей комнате. На моей кровати.

Встаю с постели. Амай успевает схватить меня за запястье.

— Ты куда?

— Не трогай меня! — зло шиплю я и сбегая в ванную, где привожу себя в порядок.

Выхожу и нахожу в гардеробе какой-то халат. Надо как-

то жить дальше. Без Николая. Мне нужно поесть, чтобы собраться с силами. Чтобы справиться со всем этим. Я не смогу отсидеться в комнате...

Амай внимательно наблюдает за моими нервными и резкими движениями. Его присутствие давит. Хочется, чтобы он как можно скорее свалил из комнаты.

Я поворачиваюсь к нему:

— Покажи, где здесь кухня, — холодно бросаю, почти приказывая.

На лице Амая медленно появляется довольная, хитрая улыбка.

— Всё, что хочешь, милая, — говорит он.

Я сощуриваюсь.

— Почти всё, что хочешь, — добавляет.

Естественно.

Он ни за что не согласится помочь мне сбежать. На его помощь можно рассчитывать только тогда, когда она вписывается в его планы.

Я киваю ему на дверь — пусть идёт первым.

Пока мы добираемся до кухни, я несколько раз ловлю на себе его довольные взгляды. Словно теперь, когда Николай бросил меня и чуть не убил мою мать, я обязана согласиться на его предложение.

Нет. Этого не произойдет.

В замке царит полнейшая тишина. Все спят. Так лучше. Я всё равно не готова встретиться с кем-то, даже с матерью.

Мне все еще стыдно, обидно и больно... Амая достаточно, чтобы потоптаться по моему чувству вины.

На просторной кухне я изучаю содержимое шкафчиков.

Амай внезапно появляется за спиной — как раз в тот момент, когда одна из банок почти падает мне на голову. И, конечно же, этот гад пользуется случаем, чтобы прижаться ко мне своим телом.

— Хватит! — возмущаюсь я, отталкивая его.

— Я ещё даже не начинал, — фыркает он, едва отстраняясь, но ставя ладони на столешницу по обе стороны от моих бёдер.

Моё дыхание сбивается от его провокационного взгляда.

— Лучше не начинай, — говорю и замираю, потому что Амай приближает своё лицо к моему.

— Анна, ты же прекрасно знаешь о моих намерениях.

— А ты — о моих. Они не изменились. Если ты пришёл меня успокаивать и воспользовался моментом моей усталости — это ничего не значит.

— М-м-м... — он склоняет голову к моей шее, вбирая мой аромат. Я косясь смотрю на сковородку, висящую рядом на стене — на всякий случай, если Амай позволит себе ещё одно прикосновение.

Да, у меня нет сил. Но я умею себя защищать.

— Я же сказал, что умею ждать, Анна. А ещё — уговаривать.

Я уже раскрываю рот, чтобы возмутиться, и вдруг чув-

ствую, как Амай впихивает туда кусок сыра. Не знаю, откуда он его взял, но вместо того чтобы выплюнуть ему в лицо, я зло его разжёвываю, прожигая Хладного взглядом.

— Ешь. Я хочу поговорить с тобой на сытый желудок.

Я фыркаю. Амай улыбается, будто происходящее его забавляет.

Я отворачиваюсь, потому что каждый его взгляд как минимум побуждает меня бросить в него кочергой.

Амай откуда-то достаёт кусок жареной утки и хлеба, и у меня скапливается слюна во рту. Мы ужинаем вместе. Молча. Пару раз я почти давлюсь едой, но заставляю себя насытиться. Пока я слаба, да ещё и без своих каменных и магических сил — я абсолютно беззащитна.

— Скажи, Анна, — начинает Амай, подсаживаясь ближе. — Теперь понимаешь, как ты нужна своей матери и Мавридии? Как ты нужна своей семье?

При его словах только что съеденное подступает к горлу.

— Понимаю, — выдыхаю я, готовясь выслушивать нотации.

— Я знал, что ты поймёшь. Что ты не настолько отдалась своим чувствам, чтобы предать собственную семью.

О боги... Он знает, как ударить больнее.

— Мы не будем говорить о Николае. С ним и так всё ясно. Не хочу делать тебе больно. Ты прорыдала весь вечер на моей груди. Он не стоит твоих слёз.

Ха. Он не будет! Одно напоминание о Николае и моём

разбитом сердце вновь ранит. Одиночество поглощает меня.

С Николаем мы были как одно целое. А теперь кажется, что без него я не смогу жить. Иногда я прислушиваюсь к теням, надеясь, что он там... Вот-вот выйдет из-за угла, мы объяснимся — и всё будет как прежде.

Но нет. Николай именно бросил меня.

Оставил одну.

Оставил Амаю.

Почти убил мою мать...

Он может быть жестоким. Я видела не раз, как он убивает. Он безжалостен...

Что, если Амай изначально был прав? Что, если Николай просто использовал меня?

Нет. Я больше не поведусь на чувства. Моё сердце и так изранено.

Если Амай хочет сотрудничества — возможно, я ему его дам. Но я не собираюсь становиться его женой.

— Ну же, Анна, — очевидно, на мои глаза вновь набежали слёзы, и Амай бережно проводит ладонью по моим волосам. — У тебя есть я. Твоя семья. Те, кто никогда от тебя не откажется. Перед тобой весь мир. Мир, который Королева собирается уничтожить. Ты нужна нам, — последнее он произносит почти шёпотом.

А меня наполняет такая щемящая боль, что хочется уткнуться носом в стол и снова расплакаться. Но я этого не делаю. Мне нужно быть сильной. Нужно понять, что проис-

ходит — и какую роль я могу сыграть в надвигающейся буре.
— Говори, что от меня требуется, — с трудом выдавливаю я.

17

Анна

Амай лукаво улыбается, и в его голубых глазах проскальзывает удовлетворённость ходом разговора.

— Мне нужно, чтобы мы обручились, — кажется, он стал ещё ближе, поэтому я отстраняюсь.

— Этого не будет, — говорю как можно чётче. — Я же уже сказала.

— Анна, пойми, чтобы я получил поддержку кланов и смог сразиться с Королевой, мне нужна ты. Как законная супруга, — на его лице сохраняется спокойное выражение, будто мой отказ — явный и понятный — не более чем каприз ребёнка, отказывающегося принимать лекарство.

— Может, сначала стоит проверить, дадут ли они эту поддержку? Ты прекрасно знаешь, что эфирный клан был истреблён. И знаешь — за что. Подумай, что будет, если совет кланов вновь узнает о существовании эфирников, — близость Амая давит, и я встаю со скамьи, чтобы отойти подальше. Опираюсь на один из невысоких кухонных шкафчиков и, сложив руки на груди, жду ответа.

— Понимаю твоё волнение. Но это совсем другая эпоха. Королева наступает, она опасна. Время на исходе. Как только Рубиновая получит силу, подобную богам, и станет демо-

ном — будет поздно. Многие из мавридиев уже это понимают. После потери земного легиона, они в особо уязвленном состоянии. У них нет другого выбора. Только ты.

— Тогда зачем мне нужно становиться твоей женой? Если им нужна я, зачем тогда ты?

— Затем, что я нужен тебе. Да, ты сильная эфирница, но тебе необходим союзник.

Я фыркаю, рассматривая один из своих браслетов.

— Сильная, но бесполезная.

— Это решается, — замечает мой взгляд Амай. — Мы найдём Костриса и печать. Но пока тебе необходим союзник — чтобы тебя защитить и убедить остальных в подчинении.

— Так в чём проблема? Мы можем создать союз. Он же не обязательно должен быть брачным, — я развожу руками.

Внутренне я признаю: Королеву нужно остановить. Вся эта история с рубиновыми пещерами и силой, которую она может получить, — пугает. Как и то, что у неё всё ещё моя сестра. Теперь, когда каштоуны видят во мне только предательницу, а Николай отвернулся — у меня нет пути обратно.

Амай встаёт и подходит. Проклятье! Ну почему ему постоянно нужно быть где-то рядом? Почему он не может просто соблюдать дистанцию?

Я выставляю вперёд ладонь — она упирается в грудь Хладного. Он опускает на неё взгляд и усмехается.

— Я хочу обезопасить себя и моих воинов. Если ты станешь моей, вряд ли передумаешь, пойдёшь на попятную и

вернёшься к Королеве. И ещё — я хочу, чтобы в моих детях текла кровь эфирников, — он берёт мою ладонь и убирает со своей груди.

— Ты сейчас серьёзно думаешь о потомках? Со мной? — от его наглости меня бросает в дрожь, я протискиваюсь в сторону и опять отхожу на безопасное расстояние.

— Да. По крайней мере, со мной наши дети будут расти с родителями, Анна. Я предлагаю тебе преданность, веру, власть — настоящую и счастливую семью.

— Амай... Мой ответ — нет. Ты уже слышал. Давай я не буду больше повторять. И я всё понимаю: твоё желание спасти мир, отомстить за смерть матери... Я просто не чувствую, что справлюсь со всем этим. Ты же понимаешь, что я не в силах противостоять даже самому слабому эфирнику? Мне всё ещё нужно спасти сестру.

— Поэтому тебе нужен я. Чтобы тебя защищать. Я собрал ради этого целое войско. И мне нужно что-то взамен. Поверь, это не так уж много, — он вновь оказывается рядом, и я нащупываю метлу за своей спиной.

Амай усмехается, заметив, как я вытаскиваю её перед собой.

— Разве простого сотрудничества недостаточно? Просто вычеркни слово «брачный» и оставь только «союз».

Взгляд Амая становится ледяным и пронизывающим до дрожи. Он не отвечает, но напирает. Кладёт ладонь поверх моей — той, что сжимает метлу — и отводит в сторону. Его

взгляд опускается на мои губы, заставляя щёки воспламениться. Амай упирается одной рукой в стену возле моей головы. Я мысленно подбираю бранные слова, которые раз и навсегда отобьют у Хладного желание приближаться ко мне на такое короткое расстояние.

— О, как неожиданно, — слышу я озорной голос матери. — Извините, что помешала, — она скользит довольным взглядом по мне с Амаем. — Вы продолжайте. Я пришла попить горячего. Если хотите — и вам сделаю.

Мама по-доброму улыбается. Я так давно не видела её такой. На этот раз она без костыля, на ней тёплая шаль, и хочется её обнять.

Сердце внутри сжимается: я знаю, она уже одобрила наш с Амаем брачный союз — буквально считает его зятем. В каком-то смысле мама желает видеть меня счастливой. Она действительно верит, что мы с Хладным сможем объединить Мавридию, дать отпор Королеве и жить долго и счастливо...

Где-то внутри хочется поддаться искушению — сыграть роль примерной дочери, сделать маму счастливой.

Но всё это будет лишь иллюзией, потому что план, выданный Амаем, предполагает, что у меня есть сила, я умею ею управлять и не обезумела... Иначе мы погибнем все.

Я отхожу от Амая на другой конец просторной кухни, поближе к маме.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, так и не осмеливаясь её обнять. Будто чувствую себя недостойной

доя этого дочерью...

— О, уже лучше. Видеть вас вместе придаёт сил и здоровья, — она озорно подмигивает Амаю.

А я будто спотыкаюсь о собственное чувство вины... Мама не так всё поняла. Надо бы ей сказать, но я не решаюсь. Слова застывают в горле. Хочется насладиться её улыбкой... Ещё чуть-чуть.

Сажусь на скамью, где мама уже поставила кружки. И, конечно же, Амай пользуется моментом, чтобы оказаться рядом.

— Мне нужно найти способ снять браслеты, — тихо говорю я.

Мама наливает воду в чайник и подмигивает Амаю.

— Не поможешь?

Тот одобрительно кивает. Вода в чайнике быстро нагревается.

— Мы найдём печать от браслетов, — уверенно заявляет Амай. — Скоро мы отправимся в Змеиное царство. Кострис, скорее всего, там.

— Этот Кострис именно там, — подтверждает мама, добавляя ароматных трав в заварник и блаженно вдыхая запах.

Она уже всё знает и о Кострисе...

— Я разговаривала с Герром за ужином. Он рассказал, что ваш каштоун в плену у змеиной принцессы. Я договорилась с Герром, который, ни много ни мало, оказался королевской — пусть и змеиной — крови. Через два дня вы вновь смо-

жете отправиться к Туманной реке на переговоры и как раз заберёте печать. Принцессе Полоза она ни к чему, а нам будет очень кстати.

С довольным лицом мама разливает чай по кружкам. Амай присвистывает, очевидно радуясь прогрессу.

Подумать только, речь идет о гребаном Герре, чья голова мне так пригодилась бы, чтобы спасти сестру!

— Кажется, сами боги помогают нам в этом противостоянии, — добавляет мама, поглаживая меня по голове, а я плотнее запираю внутри взбесившиеся чувства.

18

Анна

Едва заметная дымка клубится над кружками с чаем. В ароматной смеси трав я узнаю тимьян. Это возвращает меня в маленькую таверну — в ту грозовую ночь, что подарила нам с Николаем более плотную, проникновенную интимную связь.

Внизу живота нежным комочком сворачивается томление, вспыхивает жгучее желание быть сейчас с ним, уткнуться носом в его твёрдую грудь, вдохнуть запах...

Приятное ощущение быстро сменяется щемящим давлением внутри и тошнотой — он оставил меня после того, как между нами не осталось никаких секретов.

Спокойные голоса мамы и Амая долетают до моего сознания будто сквозь вязкую пелену.

Я разглядываю дно кружки с чаем и убеждаю себя, что

противное чувство одиночества и разъедающей тоски, мешающее свободно дышать или думать, — пройдёт.

Сейчас мне кажется, что я не могу двигаться. Это временно. Я пройду и через это.

Во мне местами пробуждается желание найти Николая, высказать всё, ударить кулаком в его грудь, заставить почувствовать то мерзкое состояние, в котором я погрязла. Знаю, что когда-нибудь я сделаю это. Я найду его и заставлю выслушать, даже если ради этого мне придется заковать его в цепи. А пока мне необходимо выплеснуть накопившееся напряжение — ярость, чувство вины.

Допиваю чай и встаю со скамьи, привлекая удивлённые взгляды Амая и мамы.

— Ты куда? — спрашивает последняя.

— На тренировку, — бросаю, немного помедлив и посмотрев в добрые глаза матери. — Побегать. В Горниле я привыкла так сбрасывать напряжение. — Объясняю, потому что мама удивлённо хлопает глазами и ищет ответа у Амая. Не у меня.

Возможно, она не в курсе, что из нас готовили воинов и активно тренировали не только навыки использования каменных сил, но и физическую выносливость.

— Я с тобой, — Амай допивает свою кружку чая и встаёт.

— Сначала попробуй догнать, не используя своих сил, — предупреждаю я.

— Догоню, — нахально ухмыляется он. Самоуверенности

ему хоть отбавляй.

Ну пусть попробует. Помечтает.

Мама одобрительно хлопает Амая по плечу и улыбается:

— Что же, тогда хорошо вам потренироваться. Я расправляюсь, чтобы вам передали завтрак. Ничего не успела пока выпечь.

Я киваю и, не дожидаясь Амая, направляюсь в спальню. Обратный путь теперь я знаю.

Наскоро одеваюсь в удобную одежду и направляюсь к выходу из замка, пока меня не нагнал Хладный.

Ловлю ощущение, что за мной кто-то следит. Замираю и оборачиваюсь. В коридоре стоит женская тень.

— Тьяна? — удивляюсь я.

Девушка подходит ближе. Это она.

— Я подслушала ваш разговор. Можем ли мы потренироваться вместе? — аккуратно спрашивает она.

Ещё ни одна из мавридиек не спрашивала меня об этом. Точнее, среди солдат Амая я не видела ни одной девушки-воина. Даже моей сестре не приходит это в голову. Если Тьяна сама напрашивается на тренировку, значит, прекрасно знает, что это такое. По её внешнему виду я делаю вывод — она выбрала правильную одежду; за её поясом я замечаю пару коротких кинжалов. Возможно, хрупкая девушка не такая уж и хрупкая...

— Ты уверена, что сможешь? Ты только что проснулась от долгого сна.

— Мне это необходимо. Думаю, ты прекрасно понимаешь, — говорит она, сверкая зелёными глазами. — И сегодня я чувствую себя в форме.

Я коротко киваю.

— Тогда нам стоит поторопиться. Не хочу, чтобы нас нагнал Амай.

Невеста полоза понимающе расплывается в улыбке. Что-то подсказывает — с Тяной у нас больше общего, чем с кем-либо в этом замке.

Мы выбегаем в темноту полузаброшенных улочек, окружающих замок эфирников. К моей радости, Амай не успевает даже показаться на горизонте. Сначала я бегу так, словно это поможет оставить позади причиняющие боль чувства, но также стараюсь следить за состоянием Тяны, чтобы у неё вдруг не начался очередной приступ. Похоже, что это происходит только в обществе Герра... А так она оказывается в очень даже хорошей форме.

Пробежав около часа, мы добираемся до тренировочного поля. Его я заметила ещё вчера. Небо постепенно светлеет, но здесь ещё пусто — слишком рано.

Я не успеваю отдышаться, как замечаю лукавый взгляд Тяны, её уверенную стойку и то, как она выбрасывает вперёд кулак, испытывая скорость моей реакции.

Успеваю увернуться, отвечая ей тем же. Мы схлестываемся в рукопашном бою, в котором я никогда не была сильна в Горниле, но сейчас во мне что-то надломилось — буд-

то мозг яростно помнит все ошибки и теперь чётко избегает повторения. Мне удаётся закрыться от ударов Тяны и даже несколько раз пойти в наступление. Чувствую лёгкую радость от того, что я нашла напарницу для тренировок.

Занятие поглощает нас полностью, и мы даже не замечаем, как к нам присоединяется Амай и остальные, останавливаясь только на легкий перекус.

Я теряю счёт времени этой изнурительной, но такой необходимой тренировке.

А потом...

Потом происходит чудо.

Возможно, мама права, и боги на самом деле помогают нам, потому что к полудню над тренировочным полем появляется птица.

Знакомая.

Та, которую я прежде видела в клетке во дворце Королевы.

Нина.

Я остаюсь с задранной головой, смотря на то, как она кружит в воздухе, как развеваются ее серые перья. Это впечатляет.

А потом, я просто падаю на колени, словно в миг почувствовав усталость от многочасовой тренировки.

Вокруг поднимается ажиотаж. Я вижу, как Иван, тоже появившийся на поле, запрыгивает на спину вспотевшего от физической нагрузки Амая и машет нашей сестре.

— Нина! Нина! — кричит он, срывая горло.

Потом слезает с Амая и несётся во дворец, пытаясь нагнать тень летящей туда птицы.

Амай оказывается рядом, чтобы подать мне руку, но я отказываюсь. Поднимаюсь сама, охваченная стремлением броситься за сестрой. Тяна, тоже вспотевшая от усилия, спокойно наблюдает за происходящим — будто её уже ничем не удивить.

Тело напрягается, когда на горизонте я замечаю двух воинов Амая, скрутивших Макса и теперь ведущих его к тренировочному полю.

Внутри что-то закипает, потому что я всё ещё слишком хорошо помню его предательство.

И всё же Амай отдаёт приказ отпустить каштоуна.

— Нина показала мне путь, — говорит Макс сбившимся, но холодным тоном. — Мы сбежали.

Он ещё что-то говорит, но в моей голове стучит только одно: Нина здесь. Она в безопасности.

Я всё ещё не верю в искренность Макса, но пока мне это не важно.

Замечаю, как взгляд каштоуна скользит по воинам и останавливается на одном из них.

Макс сощуривает глаза.

— Александр... — констатирует он, пока брат Николая приближается к нам.

У Макса с ним есть что-то общее — умение подставлять

близких.

Я киваю, сжав зубы.

Злюсь на саму себя, потому что Максуду удалось различить их сразу. Почему я не смогла? Если бы тогда, уже в конюшне, я поняла, что передо мной не Николай... возможно, всё обернулось бы иначе. А ведь были сигналы. Когда я прикоснулась к нему, а он напрягся, проигнорировал ласку... Я могла догадаться уже тогда. Теперь чувствую себя ещё больше виноватой в предательстве Николая.

Я оставляю тренировочное поле позади.

Единственное, что я сейчас хочу, — это увидеть Нину и обнять, поэтому на последних силах бегу вслед за Иваном.

19

Анна

Я спешу в замок. Когда вхожу внутрь, ориентируюсь по голосам. Улавливаю радостные возгласы со стороны зала.

Захожу. Нина в обличье птицы уже сидит на коленях у матери. Рядом с ними какой-то маг. Здесь уже и Герр, и Елена, и Иван.

— Милая моя... Ниночка, — мама бережно проводит ладонью по шее птицы.

Сестра взмахивает крыльями, заметив меня, и издаёт мелодию, от которой сердце заливают счастьем.

Я искренне улыбаюсь.

Мне больше не нужно возвращаться в Каменное Королевство. Моя семья здесь. Как и мой дом.

Только Николай... Лучше о нём не думать.

Я хочу насладиться моментом воссоединения. Теперь мы все вместе, и пока нам не угрожает опасность.

Пока.

— Что с ней? Почему она не превращается обратно? — удивляется мама, когда песня заканчивается и в зале повисает тишина.

Неужели Амай ей этого не сказал? Она ещё не знает, что Нина не может обратиться обратно... что она рискует навсегда остаться в птичьем обличе.

Я оборачиваюсь на входящих в зал Хладного, Макса и Александра.

Лицо водного мага кажется взволнованным. Похоже, эту деталь он утаил.

— Она не может, — отвечает маг, стоящий рядом с мамой. — Она застряла в форме птицы.

Нина поворачивается к маме и прижимается клювиком к её щеке.

— Когда она сможет обернуться? — спрашивает мама.

— Сложно сказать... и сможет ли вообще, — произносит маг, и мама резко поворачивается к нему. — С неопытными магами, пережившими потрясение, такое случается.

— Она что, навсегда останется в форме птицы? — поражается мама, затем устремляет взгляд на Амая, будто именно у него всегда есть ответ. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Я могу помочь, — голос Макса разрезает воздух, и во мне вспыхивает ярость.

Как он смеет? После того, как это его вина, что Нина попала к Королеве!

— О нет, — я поворачиваюсь к нему. — Ты не будешь проводить свои мерзкие опыты на моей сестре, — чеканю, тыча пальцем в его грудь.

Амай касается моих плеч.

— Не при маме. Не стоит её сейчас волновать, — шепчет он мне на ухо.

Макс с удивлением сощуривает глаза на Амае, затем плавно переводит взгляд на его ладони, почти заботливо удерживающие меня за плечи.

— Где Николай? — внезапно спрашивает он.

— Эмм... он не с нами, — отвечает Александр.

В глазах Макса проскальзывает осуждение — и это ещё больше злит. Хочется проехаться ладонью по его самодовольной щеке.

Слышу хлопанье крыльев и дуновение воздуха. Нина слезает с колен матери, делает круг по залу и приземляется на плечо Макса.

Он поворачивает голову, ловя прикосновение её клювика, и сестра издаёт короткий щелчок, за которым следует довольное щебетание.

Я застываю с открытым ртом.

— Она хочет попробовать сделать это со мной. Думаю, я

смогу помочь, — спокойно произносит Макс, словно понимает щебет Нины. — Просто дайте нам время.

— И кто ты такой? — интересуется мама, вставая с кресла и подходя ближе. — Ты что, маг? Непохоже.

— Он каштоун. Янтарщик. И по совместительству личный доктор-учёный Королевы, — фыркаю я.

Во мне растёт недовольство — Нина смогла простить этого ублюдка! Ведь это из-за него она попала в засаду!

— Милая, — обращается ко мне Амай, — это звучит так громко, что все в помещении обращают на нас внимание.

Макс смотрит на меня так, будто готов вскрыть мне черепную коробку и посмотреть, что у меня внутри. Самой интересно.

— Самое главное, что Нина вернулась, — добавляет Хладный, обращаясь ко всем. — Остальное — вопрос времени. Если есть возможность, стоит попытаться. — Затем поворачивается к маме: — Я уверен, что мы найдём выход. Раз Нина готова довериться каштоуну, пусть так и будет. Сейчас нам нужно думать о поездке за Туманную реку. Этим утром я получил послание: для нас готовят торжественный приём.

Озабоченность на лице мамы сменяется удовлетворением. Она с гордостью смотрит на Амая, словно он её собственный сын.

Нет, я не ревную. Я рада за него — он потерял мать в детстве. Но всё равно чувствую себя виноватой. Видно, как он старается уберечь маму от плохих новостей, показывая всё

в розовом свете. У меня нет такой способности. Поэтому я чувствую себя ужасной дочерью.

Дальнейшие разговоры проходят мимо. Замечаю лишь, как мама с радостью распоряжается устроить праздничный ужин в честь возвращения Нины.

Елена вызывается сопровождать Макса в комнату сестры, а я возвращаюсь в свою спальню.

Завтра нам предстоит отправиться в Змеиное Царство — в логово полозов.

А пока мне просто хочется забиться в угол и зализать душевные раны.

Прибытие Нины помогает.

Я уверена: завтра будет новый день, когда дышать без Николая станет легче.

Анна

До ужина я успеваю привести себя в порядок, а также навестить сестёр. Однако рядом с ними чувствую себя третьей лишней. Нина не слезает с плеча Макса, а Елена... Елена пользуется каждой возможностью, чтобы прижаться к Александру. Это начинает до жути нервировать, особенно учитывая то, что он как две капли воды похож на Николая.

Наблюдая за ними, я чувствую, как в груди тоскливо сжимается сердце... Что, если вскоре Николай так же будет прижиматься к другой?

Не выдержав, я решаюсь прогуляться по замку — просто развеяться и, возможно, лучше узнать свой новый дом.

Каменные стены словно хранят множество тайн... Некоторые — навечно.

Не замечая, я оказываюсь на башне, куда меня заманивает повторяющийся стук.

Стоит показать голову в проём выхода на верхнюю площадку, как мимо меня пролетает острый нож и втыкается в перевёрнутый деревянный стол. Присмотревшись, я замечаю приколотый к столешнице рисунок змея, а затем поворачиваюсь к Тяне.

— Что? — спрашивает она, пожимая плечами. — Твой женишок сказал, что я могу спокойно гулять по замку и де-

лать, что хочу.

Я сжимаю зубы при слове «женишок», но почему-то от Тяны оно звучит иначе. Как будто она уже догадалась о разыгранном Амаем спектакле.

— Мне же надо как-то успокоиться, — продолжает она, выбрасывая ещё один кинжал, который попадает точно в нарисованную голову змея.

— Может, тебе лучше не идти с нами в Змеиное царство? — осторожно интересуюсь я, заметив, насколько ей отвратителен полоз.

Она глубоко вздыхает, подходит к столу и вытаскивает ножи.

— Я пойду. Не обращай внимания. Это так... Просто он меня злит. Так я — уравновешенная. Почти. — Тяна усмехается сама себе: дико и безумно.

— Хочешь попробовать? — предлагает она.

Я не отказываюсь.

Следующие полчаса Тяна объясняет, как лучше держать кинжал, как делать бросок и даже как дышать.

Я следую её инструкциям, радуясь первым попаданиям в столешницу.

Метание ножей отличается от метания гематитного стержня... Потому что стержнем можно управлять мысленно — он будто часть тебя. А вот с ножами нужна техника.

— Каково оно... быть замороженной Королевой? — спрашиваю я Тяну, когда мы делаем передышку.

— Королевой? А, ты имеешь в виду Льяну... Или Искру... — Тьяна улыбается. — Что ж, похвально, что она добилась таких высот.

Я удивляюсь её безмятежности в отношении к Королеве.

— Но она заморозила тебя на триста лет!

Тьяна зло усмехается, вновь встаёт и метает кинжал.

— С чего ты взяла, что меня заморозила она? — цедит она, и я задумываюсь над вопросом.

Мне казалось, это так очевидно...

— Потому что моя кровь тебя освободила. И Герр говорил, что это из-за родства с Королевой... Значит, её кровь использовалась для проклятия...

За моим предположением следует звонкий, почти истерический смех Тьяны.

— Ты такая молодая и наивная, Анна. Но ты мне нравишься. Достойная наследница Калазиас! Я скажу тебе две вещи. — Тьяна подкидывает кинжал, ловко перехватывает рукоятку и метает его в изрядно израненный рисунок змея.

— Первое: не Королева заточила меня во льду. Это сделала моя семья. Льяна пыталась меня спасти, но не вышло. Мои добрые родственнички... наши с тобой предки, кстати, — решили, что я такое же зло, как и Искра. И вуаля. Меня обманули. — Тьяна подкидывает ещё один нож и отправляет его в полёт.

— Второе: в нашем роду всегда есть изгои. Нас будто проклинали. Искра или Льяна. Я. — она указывает на меня кон-

чиком кинжала. — Ты.

Я не успеваю следить за её словами... Мы родственники? То есть она и Королева... и я...

— Я не изгой, — срывается с губ.

Тьяна грустно усмехается.

— Это пока. Я тоже себя такой не считала. Но ты ведь теперь знаешь, где я пробыла последние триста лет. Кстати, Искра тоже долго была заморожена. Это такой милый способ избавиться от изгоев в роду Калазиас. Убить жалко — лучше заморозить.

Тьяна вроде говорит это с равнодушием, но я вижу боль в её глазах. Это отзывается во мне пониманием... и страхом. Страхом, что я тоже когда-нибудь подвергнусь такой участи.

— Мы родственники... — ошарашенно шепчу я, наконец осознавая значение её слов.

— Ага.

— Ты эфирница, как и я... — шепчу.

Тьяна ловит мой взгляд.

— Не только, — еле слышно произносит она и сразу прижимает палец к губам.

Мой рот открывается от удивления.

— Ты... То есть... Ты такая, как...

— Такая, как Искра. Такая, как ты. Но ты же ведь никому это не расскажешь? Правда, племяшка?

Её взгляд вновь становится диким, необузданным, безумным.

Внезапно я будто вижу отражение себя. Понимаю, почему с Тяной мне было так... просто. Так легко.

— Ты каштоун, — срывается с губ.

— Тсс... Я же просила! — она делает наигранно обиженный вид, а затем подмигивает.

— Но как ты узнала про меня?

— Пфф... Твой женишок уже всем это разболтал. Всё ради того, чтобы воины увидели в тебе достойную соперницу Королевы. Но знаешь, что я тебе скажу? —

Она подходит ко мне вплотную и разглядывает лицо.

— Ты к ней даже в подмётки не годишься, — озвучивает свой вердикт Тяна.

Я набираю в грудь воздух, удерживая её пронзительный взгляд.

Меня не ранят её слова. Наоборот — наконец кто-то сказал правду.

Я усмехаюсь ей в лицо.

— Но в тебе есть что-то, — добавляет Тяна и возвращается к столу, чтобы вытащить из него кинжалы. — И если ты думаешь, что я спущу этому червяку с хвоста, что он чуть не убил мою племянницу, — ты ошибаешься. И я знаю, что он сделал. Я уже много чего знаю! — говорит она с нескрываемой злостью, и это почему-то вызывает у меня добрую улыбку.

Если она и правда моя родственница — то первая, кто решил вступить за меня.

Постепенно, чувство гнетущего одиночества — пропадает.

21

Анна

Мы отправляемся в путь, когда замок ещё погружён в полумрак, воздух густ от тумана.

В этот раз нас значительно больше: помимо меня и Александра, за нами следуют Амай, Герр и Тьяна.

Мама и Елена приходят попрощаться.

Я нахожу в себе смелость обнять их — коротко, едва касаясь.

Мама улыбается и всё остальное внимание посвящает Амаю. Елена украдкой целует Александра. Я это замечаю и отворачиваюсь, впиваюсь взглядом в бок лошади, стоящей передо мной, и делаю вид, что проверяю снаряжение. На самом деле мое сердце сжимается до боли и я пытаюсь сделать несколько вдохов и выдохов.

Лёгкий хлопок по плечу — и я встречаюсь взглядом с усмехающейся Тьяной. Она будто намекает на свою правоту: я — изгой в собственной семье, а мать явно отдаёт предпочтение Амаю, втискивая в его руки свёрток с ещё тёплыми булочками с корицей, которые выпекла для него этой ночью.

— Анна, прости, не знала, что тебе дать в дорогу, но Амай поделится с тобой.

Я уверена, что слышу скрип собственных зубов.

Мы выезжаем на лошадях. Даже Герр, в своём человече-

ском обличье, пусть и с безгловым видом, но седлает коня. Животное недовольно фыркает, но полоз упорно делает вид, что привык к езде верхом. Не похоже, но он старается казаться человеком ради Тяны — та в ответ закатывает глаза.

Стоит отдать должное змею — он оставляет Тяне пространство. Чего явно не собирается делать Амай.

Каждый привал он оказывается рядом и использует любой предлог, чтобы дотронуться до меня, вновь и вновь пытаюсь убедить, что нам срочно нужна публичная помолвка, а еще лучше — если она не будет фиктивной.

Он — как назойливый комар, залетевший в комнату и упорно жужжащий над ухом. Да, красивый, сильный, но не тот, кто мне нужен.

А о том, кто мне действительно нужен, — я запрещаю себе думать.

— Нам нужно сделать всё, чтобы добиться союза, оформить письменно все условия и скрепить печатью. Необходима поддержка — не на словах, а на документах. Эти змеи коварны и хитры, — Амай запинается, бросая взгляд на полоза. — Прости, Герр, но это так.

Однако тот даже не слушает Хладного — его взгляд направлен на Тяну, хоть он и не решается к ней подойти.

Самый настоящий подбитый змей.

— Надеюсь, все понимают, как это важно: остановить Королеву. Герр! — зовёт его Амай. — Помни, что она все еще требует твою голову и держала тебя взаперти триста лет.

Помни об этом, когда будешь убеждать своих тысячелетних родственничков заключить с нами договор! — напоминает он.

Герр отмахивается и продолжает путь.

— Анна, вот увидишь, я сделаю тебя королевой Мавридии, — подмигивает мне Амай.

Эти слова болезненно напоминают о Николае. Он тоже говорил мне нечто подобное.

Внутри просыпается ярость — на покинувшего меня майора, на Амая, на всех, на весь этот мир.

Я пришпориваю коня и вырываюсь вперёд.

Амай смолкает только тогда, когда мы добираемся до начала Туманной реки.

Уже смеркается, и я наконец понимаю, почему это место зовут именно так.

Туман. Он повсюду. Ощущение, будто за ним нет ничего — лишь пустота. Пугающая бесконечность. Переход в другой мир.

Здесь настолько мрачно, что сердце наполняется тревогой — необъяснимой, безудержной.

Это ощущают даже лошади, отступающие назад, прочь от чёрной кромки воды.

Герр заходит на причал, возле которого покачиваются две ладьи. Они кажутся заброшенными, потускневшими, но прочными.

Похоже, здесь нечасто бывают путники.

Полоз бросает в воду пару монет.

Мне кажется, что в тумане мелькает силуэт, а затем из воды поднимается девушка...

Она одета в такую лёгкую одежду, что я покрываюсь мурашками вместо неё. Длинные тёмные волосы спускаются почти до колен, платье переливается прозрачной органзой, глаза сверкают янтарём. Украшения обрамляют её руки и шею. Она похожа на прекрасную русалку... но что-то подсказывает: она из змеиных. Ах да — её язык, который она мимолётно вытаскивает, облизывая губы. Надеюсь, не с мыслями о том, как она нас съест.

— Сестра, ты пришла встретить меня, — подходит к ней Герр. Она приветливо его обнимает, а затем переводит взгляд на нас.

— Шайлин, позволь представить тебе моих друзей, — говорит он и начинает перечислять наши имена.

Девушка выходит вперёд и разглядывает каждого так, будто стремится пощупать за душу.

— Мы вас ждали, — с шипящим придыханием сообщает Шайлин. — Прошу, грузитесь в ладью. Я сопровожу вас в Змеиное царство.

— А лошади? — интересуется Амай.

— Их тоже, — спокойно отвечает Шайлин, вновь облизываясь, и я начинаю подозревать, что всё это вряд ли закончится хорошо...

— Вы ждёте кого-то ещё? — слышу голос Герра. — По-

чему две ладьи?

Я поворачиваю взгляд к полозам и замечаю коварную улыбку Шайлин. Она не отвечает брату — просто загадочно смотрит на него.

Убедившись, что все погрузились в ладью, девушка проходит к реке и погружается в воду, полностью под ней скрываясь...

Анна

Герр смотрит вслед своей сестре. Интересно, сколько ей лет? Выглядит она молодо. Задумчивый полоз делает шаг к реке, словно намереваясь зайти в воду за Шайлин, но потом поворачивается к сверлящей его взглядом Тяне и передумывает.

Он забирается в ладью вместе с нами, после чего она сдвигается с места.

Мы отплываем от берега. Я слышу лёгкие всплески воды и смотрю вниз. Река чёрная, как сама бездна. Но что-то в ней есть. Змеиная чешуя иногда показывается над водой.

Шайлин.

Это она направляет ладью...

Выглядит зловеще. Внутри нарастает тревога — и не только у меня.

Тьяна держится спокойно, но я вижу, как она впилась руками в борт ладьи: её пальцы побелели от напряжения, однако на лице сохраняется холодное спокойствие. Герр стоит с ней рядом, но не смеет подойти. Александр и Амай успокаивают лошадей.

Вскоре над нами становится совсем темно, будто резко наступила ночь. Берега больше не видно из-за тумана. В какой-то момент даже не понятно — плывём ли мы или засты-

ли в бесконечности тёмной реки.

Незаметно мы оказываемся в огромной пещере, и ощущение такое, будто попали в подземное царство.

Туман постепенно рассеивается, открывая вид на огромные чёрные валуны, обрамлённые толстыми корнями какой-то растительности. Те переплетаются друг с другом, словно живые, и складываются в причал... Я замираю от изумления.

Камень и живые корни.

Мы сходим с ладьи вместе с животными. Шайлин выныривает по пояс из воды и пристально наблюдает за нами. От одного её взгляда по коже бегут мурашки.

Пещера, в которой мы оказались, настолько огромна, что здесь мог бы вместиться целый дворец. Внимание привлекает высокая стена из прутьев... или тех же корней.

Пока мы успокаиваем лошадей, а Герр объясняет, что нас скоро впустят, центральная стена приходит в движение.

В свете факелов это похоже на стену из копошащихся змей, которые постепенно расходятся в стороны, открывая проход в длинный туннель. Оттуда к причалу выходят несколько мужчин с голым торсом и золотыми украшениями. Среди них — женщина в сверкающей, лёгкой одежде.

Шайлин поднимается из воды, складывает руки на груди и кланяется перед ней. То же самое делает и Герр. За ним повторяем и все мы, поняв, что перед нами кто-то из змеиной королевской семьи, кому выпала честь встретить нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.